DOI: 10.31860/0136-7447-2025-40-187-242

Т. Г. Иванова (Санкт-Петербург)

Материалы Марии Евгеньевны Шереметевой: I. Письма М. Е. Шереметевой Д. К. Зеленину; II. Записи М. Е. Шереметевой сказок и образцов несказочной прозы

T. G. Ivanova (Saint-Petersburg)

Materials of Maria Evgenievna Sheremeteva: I. Letters of M. E. Sheremeteva to D. K. Zelenin; II. Entries of Fairytales and Non-Magic Folktales by M. E. Sheremeteva

Аннотация

В статье представлена биография Марии Евгеньевны Шереметевой – калужского этнографа и фольклориста. Проживая с 1919 г. в Калуге, она в 1920-е и 1930-е гг. принимала активное участие в работе местных научных организаций, в частности, в Калужском обществе истории и древностей. Указывается на вклад М. Е. Шереметевой в изучение различных регионов Калужского края: народного костюма, обрядового печенья и пр. Освещаются сугубо фольклористические работы: о свадебном обряде, ритуале закликания весны, Масленицы и пр. М. Е. Шереметева рассматривается как представитель этнологического направления в фольклористике. В работе публикуются письма М. Е. Шереметевой к Д. К Зеленину и записанные ею сказки и образцы несказочной прозы.

Ключевые слова: *М. Е. Шереметева, Калужский регион, письма к Д. К. Зеленину, записи сказок и несказочной прозы*

Abstract

The article presents the biography of Maria Evgenievna Sheremeteva, a Kaluga-based ethnographer and folklorist. Living in Kaluga since 1919, she actively participated in the work of local scientific organizations in the 1920s and 1930s, particularly the Kaluga Society of History and Antiquities. Sheremeteva's

contribution to the study of various areas of the Kaluga region has been indicated: folk costumes, ritual cookies, etc. Her purely folkloristic works are highlighted, including the wedding ceremony, the spring invocation ritual, and Maslenitsa. Sheremeteva is considered a representative of the ethnological trend in folklore studies. The article contains Sheremeteva's letters to D. K. Zelenin, as well as fairytales and examples of non-magic prose collected by her.

Keywords: *M. E. Sheremeteva, Kaluga region, letters to D. K. Zelenin, entries of fairytales and non-magic folktale prose*

В последние годы калужские краеведы стали активно обращаться к личности М. Е. Шереметевой и ее вкладу в местную этнографию. В 2008 г. Г. Б. Сафонова опубликовала статью «Этнографическая коллекция М. Е. Шереметевой в К<алужском> Г<осударственном> О<бластном> К<раеведческом> М<узее>: история формирования и воссоздания»[1]. В 2016 г. в Калужском краеведческом музее была открыта выставка, посвященная 130-летию со дня ее рождения. Государственный архив Калужской области (ГАКО) представил в интернет-ресурсах виртуальную выставку документов, связанных с именем М. Е. Шереметевой[2].

Мария Евгеньевна Шереметева родилась в семье врача Е. П. Скоробогача 26 октября 1886 г. в имении Ольхи Юхновского уезда Смоленской губернии (ныне Калужская область). Род Скоробогачей с XVII в. известен на Полтавщине. Не закрепив свою принадлежность к дворянскому сословию во времена Екатерины II, когда по всей России приводились в порядок документы о дворянстве, представители этой фамилии впоследствии по выслугам в чинах все-таки получили искомый статус. Дед будущего этнографа с 1864 г. владел имением Глинищи (Успенское) в Одоевском уезде Тульской губернии. Отец М. Е. Скоробогач (Шереметевой), Евгений Порфирьевич Скоробогач (1841–1908), был врачом, имел чин статского советника. Семья зимой проживала в Петербурге, а на лето выезжала в г. Юхнов. Е. П. Скоробогач являлся почетным мировым судьей Юхновского уезда. В 1886 г. он приобрел имение Ольхи, которое с конца XVIII в. принадлежало княжескому роду Оболенских[3]. Скоробогачи

[1] *Сафонова Г. Б.* Этнографическая коллекция М. Е. Шереметевой в К<алужском> Г<осударственном> О<бластном> К<раеведческом> М<узее>: история формирования и воссоздания // Песоченский историко-археологический сборник. Калуга, 2008. Вып. 6. С. 263–277.

[2] URL: https://archive.admoblkaluga.ru/SHeremeteva (дата обращения 14.06.2022).

[3] *Чижков А. Б., Зорин А. А.* Калужские усадьбы. Каталог с картой расположения усадеб. М., 2007. С. 132.

владели имением вплоть до 1917 г.[4] Отец М. Е. Шереметевой был человеком с научными устремлениями. В 1889 г. он защитил диссертацию на степень доктора медицины по теме «Истинные белки отрубей и растворимость их при варении в папиновом котле»[5]. Исследование было подготовлено при Гигиенической лаборатории профессора А. П. Доброславина.

В Петербурге М. Е. Скоробогач (Шереметева) по окончании 8 классов гимназии, как следует из анкеты, заполненной ею для Калужского общества истории и древностей, получила высшее образование на словесно-историческом отделении Женского педагогического института[6]. Это учебное заведение было основано в 1903 г. на базе Педагогических курсов при Санкт-Петербургских женских гимназиях (располагалось на Малой Посадской улице). Здесь готовились преподавательницы для всех классов женских учебных заведений. После революции, в 1922 г., Женский педагогический институт влился в Петроградский педагогический институт им. А. И. Герцена.

По окончании Женского педагогического института (1909) М. Е. Скоробогач в течение трех месяцев слушала лекции в Оксфорде, изучая историю изящных искусств. Некоторое время, как указывает В. Пуцко, она работала учительницей в приготовительной школе в пос. Лесной под Петербургом[7].

Звучную фамилию Шереметева будущий этнограф получила при замужестве 10 мая 1909 г. К графам Шереметевым ее муж Николай Алексеевич (1888–1939) никакого отношения не имел. Можно предположить, что Н. А. Шереметев был уроженцем Юхновского уезда. Он окончил со званием кандидата Политехнический институт (Петербург). До революции служил инспектором мелкого кредита Московской конторы Государственного банка; в 1917 г. – чиновник Управления по делам мелкого кредита в Петрограде. В 1911 г. Н. А. Шереметев написал работу

---

[4] *Калашникова Л. В.* Семья Скоробогачей в Юхнове Смоленской губернии // Природа и история Поугорья. Калуга, 2006. Вып. 4. С. 212–216.

[5] *Скоробогач Е. П.* Истинные белки отрубей и растворимость их при варении в папиновом котле: Дис. ... д-ра мед. СПб., 1889 (Серия диссертаций, допущенных к защите в Военно-медицинской академии в 1888/89 уч. г. № 83).

[6] Указание на Высшие Бестужевские курсы, данное в статье, представляющей виртуальную выставку документов из ГАКО, является ошибкой. См.: Заявление-анкета № 14 в Калужское общество истории и древностей о зачислении в действительные члены данного Общества от М. Е. Шереметевой (ГАКО, ф. Р-324, оп. 1, д. 4, л. 45; URL (https://archive.admoblkaluga.ru/SHeremeteva). Здесь четко назван Женский педагогический институт.

[7] *Пуцко В.* Предисловие // Шереметева М. Е. Все венки да поверх воды: Народное искусство Калужского края. Тула, 1984. С. 3.

«Крестьянская кооперация в Юхновском уезде Смоленской губернии» (СПб., 1911). Он сотрудничал с журналом «Вестник кооперации», в котором в 1915–1916 гг. были опубликованы его статьи о земских кассах мелкого кредита, изданные также в виде брошюр[8]. Тема кооперации была им продолжена и после революции, в Калуге, где он работал экономистом в Губплане[9]. В 1920-е гг. Н. А. Шереметев, как и его супруга, сотрудничал с Калужским обществом истории и древностей и продолжал писать на хозяйственно-экономические темы: «Калуга как торговый центр (Статистико-экономический очерк)» (Калуга, 1927); «О восстановлении судоходства в верхнем плесе Оки» (Калуга, 1929); «К вопросу о судоходстве по верхней Оке» (Калуга, 1930); «Разведывайте полезные ископаемые по берегам Оки! (Краткие указания краевед. ячейкам Верхнеокск. края)» (Калуга, 1931). У Шереметевых было две дочери – Мария (1911–?) и Татьяна (1914–1998).

В Калуге М. Е. Шереметева вместе с мужем жила с 1919 г. Сначала она работала в Областном союзе потребителей; затем в 1920 г. в Губстатбюро, а с 1921 г. – в Калужском краеведческом музее, находившемся в то время в ведении Общества древностей и охраны художественных произведений (с 1923 г. – Калужское общество истории и древностей; КОИД), образованного в 1918 г. Своими корнями КОИД уходило в Калужскую архивную ученую комиссию.

1920-е гг. – это время расцвета советского краеведения, продолжавшего лучшие традиции дореволюционного времени. В стране образовывались и активно работали сотни краеведческих обществ. В Калуге в это время развернули свою деятельность названное Калужское общество истории и древностей (КОИД; 1918–1929), Калужское общество изучения природы и местного края (1910–1922) и Калужское губернское общество краеведения (1925–1929)[10]. КОИД и Калужский краеведческий музей и стали теми научными площадками, где нашла место этнологическая деятельность М. Е. Шереметевой.

---

[8] *Шереметев Н. А.* 1) Земские кассы мелкого кредита (по данным анкеты 1 отд. Петрогр. отд. Ком. о сельск. ссудно-сберегательных и пром. т-вах). Пг., 1915; 2) К вопросу об объединении деятельности земских касс мелкого кредита. Пг., 1916.

[9] *Шереметев Н. А.* По поводу проведения в Калужской губернии декрета о потребительских коммунах (Губсоюз или Губбюро?). Доклад, прочит. на совещании представителей кооперативных объединений Калужской губернии от 11–12 июня 1919 г., с прил. выписки из протокола этого Совещания. Калуга, 1919.

[10] См.: Историко-краеведческие организации Калужского края (1891–1937). Библиографический указатель / Авт.-сост.: А. А. Бауэр. Калуга, 1982; *Бауэр А. А.* Калужское общество истории и древностей (1918–1929) // Вопросы истории. 1979. № 10. С. 177–179.

Однако к этнографии М. Е. Шереметева пришла не сразу. В первые годы существования Общества она, как следует из документов, делала доклады, касающиеся истории и архитектуры Калужского края: «Архитектура церкви Георгия за Верхом в Калуге» (25 мая 1919 г.); «Полотняный Завод: его история и архитектурные памятники» (31 июля 1921 г.)[11]. В 1922 г. она по поручению Калужского краеведческого музея обследовала городские памятники культового зодчества, подвергавшиеся большевистской властью разорению.

22 марта 1923 г. М. Е. Шереметева в КОИД в рамках подготовки археологической экспедиции сделала доклад «Об участии КОИД в раскопках Огубского городища в Малоярославецком уезде». Летом этого же года она участвовала в обследовании Огубского городища, расположенного на юго-востоке от Обнинска в пойме реки Протвы и датируемого II–VI вв. н. э. Экспедицию возглавлял видный археолог В. А. Городцов; результаты работы отражены в собраниях Государственного исторического музея (Москва).

Летом 1924 г. М. Е. Шереметева осуществила поездку в с. Никольское на р. Серёне Мещовского уезда, о чем сделала 19 октября 1924 г. на заседании КОИД сообщение – «Село Никольское на р. Серёне, бывшее имение Кропоткина». В этой родительской усадьбе будущий революционер-анархист П. А. Кропоткин провел несколько лет в детстве и юности. В Музей, как пишет Г. Б. Сафонова, поступил акварельный рисунок М. Е. Шереметевой с изображением дома Кропоткиных, представляющий особую ценность в связи с тем, что в 1927 г. усадьба сгорела (рисунок воспроизведен в статье Г. Б. Сафоновой).

В калужской газете «Коммуна» была напечатана заметка М. Е. Шереметевой «В родовом гнезде П. А. Кропоткина»[12], где приведены любопытные воспоминания старика-крестьянина Я. М. Самохина о взаимоотношениях юноши П. А. Кропткина с мачехой: якобы та пыталась отравить юношу; кушанье было брошено собаке, отчего пес издох; молодой князь прибежал за помощью к своей кормилице (матери Самохина). М. Е. Шереметева справедливо ставит под сомнение справедливость этого рассказа, коллизия которого явно проецируется на сказочный сюжет. Нам же важно отметить, что в экспедиционных выездах М. Е. Шереметеву начинает

---

[11] Список докладов дан в Указателе вопросов исследовательско-пропагандистской деятельности КОИД в 1919–1929 гг. (роспись заседаний), размещенном на названной виртуальной выставке в Интернете (при данном документе, к сожалению, шифр Государственного архива Калужской области (ГАКО) не указан).

[12] *Шереметева М. Е.* В родовом гнезде П. А. Кропоткина // Коммуна. 1924. 15 авг. № 184.

интересовать устная стихия русской деревни, что вскоре отразится в ее трудах второй половины 1920-х гг., посвященных этнографии Калужского края.

М. Е. Шереметева в середине 1920-х гг. еще продолжала оставаться в поле исторической проблематики (так, 15 мая 1926 г. она прочитала в КОИД доклад «Город Калуга как торговый центр»), но фокус ее внимания все более и более перемещался в область этнологии. Она стала заниматься изучением материальной и обрядовой традиционной культурой крестьян Калужской губернии.

Еще в 1920 г. Калужское общество изучения природы и местного края[13] издало «Программу для собирания этнографических предметов» (Калуга, 1920)[14]. Тем не менее в этом обществе Калуги этнографическая работа не получила развития. По всей вероятности, М. Е. Шереметева была знакома с названным изданием и в своей будущей этнологической работе в чем-то им руководствовалась. Именно М. Е. Шереметева стала главным лицом, занимавшимся в КОИД и Музее этнографией. В ГАКО сохранился автограф ее краткой заметки «Этнографический отдел в Калужском государственном областном музее» для журнала «Этнография», из которой следует, что Этнографический отдел в Музее в виде отдельной комнаты был открыт 7 ноября 1924 г. «Этнографический отдел был организован и находится в ведении сотрудника М. Е. Шереметевой», – писала только начинавшая в то время свой путь в науке исследовательница в 1925 г. (ГАКО, ф. Р-2878, оп. 1, д. 16, л. 21). Вариант этого отчета был опубликован в 1924 г. в журнале «Этнография». М. Е. Шереметева пишет, что первоначально в Этнографическом отделе было 289 предметов (акварельные рисунки курных и других изб, глиняная и деревянная утварь, детские игрушки, вышивки, калужское печенье). В экспозиции имелись также акварельные рисунки художника А. М. Покровского – иллюстрации к частушкам Калужской губернии[15]. В дальнейшем при укрупнении отделов этнографическая коллекция вошла в Исторический отдел Музея[16].

В 1925 г. определился регион, который занял важное место в исследованиях М. Е. Шереметевой – Гамаюнщина. Решение сосредоточиться на

---

[13] Название этого общества в литературе встречается и как Калужское общество изучения природы местного края, и как Калужское общество изучения природы и местного края.

[14] В библиотеках Санкт-Петербурга издание отсутствует.

[15] *Шереметева М. Е.* Этнографический отдел в Калужском областном музее // Этнография. 1926. № 1/2. С. 287–288.

[16] Краткий путеводитель по историческому отделу Калужского государственного музея / Сост. В. И. Извеков и М. Е. Шереметева. Калуга, 1929.

Гамаюнщине в КОИД было принято после доклада исследовательницы, в котором был поставлен вопрос «о необходимости изучения одного резко ограниченного и выделяющегося рядом особенностей района»[17]. Летом 1925 г. М. Е. Шереметева совершила 27 однодневных выездов в Гамаюнщину – край, расположенный на правом берегу р. Оки напротив Калуги. В состав калужской Гамаюнщины входило 17 селений: Ромоданово, Квань, Верховая, Покров (Егулино, Некрасово), Пучково, Чижовка, Шопино, Секиотово, Рождествено, Грачи, Вырка Верхняя, Вырка Нижняя, Еловка, Животинки, Колюпаново, Горенское. По Перемышльскому шоссе располагалась деревня Гамаюнка (Ромодановские Дворики). Все эти деревни находятся в 2–12 верстах от Калуги. По переписи 1920 г. здесь стояло 1 087 дворов, проживало 5 427 человек. Гамаюнщина в конце XVII – начале XVIII в. была владением Ромодановских. Впоследствии, долгое время не дробясь, она переходила из одних рук в другие.

М. Е. Шереметевой обследовались пища, семейный быт, игрушки, обряды жителей этого региона. В д. Верховой изучалось жилище крестьян различного достатка («изба курная, изба крестьянина-середняка, изба зажиточного крестьянина»). Собирательница фиксировала материал по родильным обрядам, крестинам, свадьбе и похоронам; записывала круговые и свадебные песни; интересовалась заговорами и лечебными травами. В области верований записывались рассказы о колдунах, о заломах во ржи, о кладах. Совершила она и экскурсию на Кудеярову гору, расположенную в 12 верстах от Калуги.

Центром внимания исследовательницы в Гамаюнщине явился крестьянский костюм. Отдельным изданием вышла работа М. Е. Шереметевой «Крестьянская одежда Калужской Гамаюнщины: Этнографический очерк» (Калуга, 1925). Именно эта книга, как следует из публикуемых писем исследовательницы к Д. К. Зеленину, и заинтересовала признанного авторитета в области этнографии. Заметим, что в начале своей книги М. Е. Шереметева, определяя методологические основы своего исследования, опирается на труд Д. К. Зеленина «Великорусские говоры с неорганическим и непереходным смягчением задненебных согласных в связи с течениями позднейшей великорусской колонизации» (СПб., 1913), где вопрос о членении русского населения на отдельные этнографические группы поставлен в связи с особенностями языка, материальной культуры и истории заселения. Исследовательница говорит о значимости изучения

[17] *Шереметева М. Е.* Этнографическая секция при Калужском обществе истории и древностей за 1925 г. // Этнография. 1926. № 1/2. С. 288.

местных этнографических групп, указывает на коллективные прозвища, позволяющие определять подобного рода группы, и замечает: «Гамаюнские крестьяне прозваны так за свою неуживчивость и шумливость»[18]. Отметив, что жители Гамаюнщины сохранили старинный костюм, описывая различные детали одежды, М. Е. Шереметева приводит в качестве иллюстраций частушки и песни. Уже в первой серьезной работе исследовательницы реализовались три составляющие ее подхода к той или иной сфере традиционной культуры: описание материального предмета; обязательные рисунки и фотографии; отражение явления в песенной традиции.

Этнографическое изучение Гамаюнщины было продолжено в июне 1926 г. На этот раз внимание исследовательницы было сосредоточено на свадебном обряде. В хронике, подготовленной для журнала «Этнография», М. Е. Шереметева писала: «Записаны свадебные песни, величальные и плясовые, причитания невесты и подруг, сделаны фотографические снимки, произведены записи мелодий свадебных песен»[19]. 16 января 1927 г. М. Е. Шереметева в КОИД выступила с докладом «Старая и новая свадьба в Калужской Гамаюнщине».

Результатом полевой работы стала вторая книжка исследовательницы – «Свадьба в Гамаюнщине Калужского уезда» (Калуга, 1928), представляющая добротное описание местной свадебной игры. (Укажем, кстати, что в этой работе на с. 9 напечатана карта Гамаюнщины.) Исследовательница дает описание всех этапов обрядового действа (невесту смотрят под окном; сватовство; богу молятся; пропои; по́клуш (деньги стороны жениха, на которые покупался наряд невесты); кручинная неделя невесты, во время которой шьются дары; молодешник у жениха; девишник у невесты; утро венчания; возвращение после венчания в дом невесты с продолжением причетов; отъезд в дом жениха) в главе «Старая свадьба в Гамаюнщине», построенной в основном по записям от 83-летней информантки Анны Ионовны Юрковой. Книжка содержит многочисленные тексты песен и причетов. Нотации 13 песен выполнил Н. П. Раков. Глава «Новая свадьба в Гамаюнщине» строится на материалах трех свадеб, реально виденных М. Е. Шереметевой. В соответствии с действительностью исследовательница указывает на свободу выбора брачных партнеров, упрощение обряда, сокращение его до одного дня. Весьма любопытна глава

[18] *Шереметева М. Е.* Крестьянская одежда Калужской Гамаюнщины: Этнографический очерк. С 9-ю рисунками на отд. листах. Калуга, 1925. С. 8.

[19] *Шереметева М. Е.* Работы в этнографической секции при Калужском обществе истории и древностей. 1926 г. // Этнография. 1927. № 1. С. 225.

«Пойматые» – об эпохе крепостного права, когда по приказу бурмистра, подкупленного семьей жениха, ловили приглянувшуюся невесту (в поле, огороде и т. д.) и насильно венчали. Глава построена на рассказах старух, описывавших действительные события, случившиеся с их старшими родственницами.

Осенью 1926 г. М. Е. Шереметева совершила также поездку в Козельский уезд (с. Дубровин-Волосово) и в район селений Клюксы, Березичи, Дешовка, «откуда ею привезены образцы одежды и утвари, главным образом, глиняной, производства г. Козельска»[20].

В том же году в августе и сентябре состоялись еще две этнографических экспедиции – в регион Монастырщины, расположенной в Перемышльском и отчасти в Лихвинском и Калужском уездах. До секуляризационной реформы Екатерины II (1764) в этом регионе очень компактно располагались деревни, принадлежавшие Гремячеву, Лютикову, Шаровкину, Перемышльскому, Рождественскому, Девичьему и Резванскому монастырям. Монастырские крестьяне жили свободнее и богаче помещичьих, так как они не облагались общегосударственными податями. После 1764 г. крестьяне монастырских владений получили статус экономических и в дальнейшем слились с государственными. Результатом этой и последующих экспедиций в Монастырщину стал доклад М. Е. Шереметевой «Женский костюм в бывшем Перемышльском уезде» (1 апреля 1928 г.). За 1926 г. коллекция Этнографического подотдела Калужского музея благодаря энергичной деятельности М. Е. Шереметевой пополнилась 130 предметами[21].

1927 г. также оказался весьма напряженным и плодотворным в сфере экспедиционной работы. Весной М. Е. Шереметева собирает материал по обряду закликания весны в д. Большие Козлы в Калужском уезде и в селениях Перемышльского уезда. Попутно фиксировался материал и по обрядовому печенью. Летом она продолжает изучение Монастырщины Перемышльского уезда, сосредоточиваясь на одежде. Эта тема отразилась в книжке «Женская одежда в б. Перемышльском уезде Калужской губернии. С 26-ю рисунками на отдельных листах» (Калуга, 1929). Здесь дана карта района Монастырщины (С. 3), освещена история края в связи

[20] *Шереметева М. Е.* Краткая информация о этнографической работе в Калуге в 1926–1927 гг. // Культура и быт населения Центрально-Промышленной области (этнологические исследования и материалы). 2-е Совещание этнологов Ц. П. О. 7–10 декабря 1927 г. М., 1929. С. 174.

[21] *Шереметева М. Е.* Этнографическая работа в Калужском областном музее в 1926 г. // Этнография. 1927. № 1. С. 225–226.

с земельными владениями монастырей. Исходя из положения о том, что женский костюм является одной из устойчивых сторон материального быта деревни, М. Е. Шереметева описывает главные части костюма – рубаха, понева, кичка. Исследовательница дифференцирует одежду разных возрастных групп, дает представление о повседневном и праздничном костюме. Как всегда, М. Е. Шереметева сопровождает исследование фотографиями и рисунками. В 1927 г. исследовательница совершила также выезды в Гамаюнщину, где, в частности, ею фиксировался свадебный обряд.

Весьма интересные этнографические наблюдения М. Е. Шереметевой удалось сделать зимой 1928 г.: на улицах Калуги она встретилась с вожаками ученых медведей – промыслом, уже отмиравшим после революции. В списке ее трудов появилась статья «Вожаки медведей в Калуге»[22]. Вожаки медведей, ходившие в Калуге, были из Бессарабии. Исследовательница дает развернутое описание представлений, устраиваемых на улицах города: медведь Мартын Иванович (1 год 8 месяцев, из Архангельской губернии) и медведица Зоя Ивановна (два года, с Кавказа); гармонь и бубен, музыкально сопровождающие медвежьи сценки; содержание сценок (как барышни мажутся, красятся; как московские кухарки, мешкая, идут за водой, заговариваются с дворниками, а затем бегом бегут с коромыслами; как барышни стесняются кавалеров и нос «заворачивают»; как городская барышня интеллигентно целует ухажера и как деревенская девица его крепко обнимает; как в праздничный день пьяные шатаются на базаре; как с похмелья у них болит голова и т. д.).

Летом 1928 г. в Монастырщине была собрана большая коллекция обрядового печенья. Предметы были выставлены в экспозиции музея. Этой же теме была посвящена отдельная работа исследовательницы «Хлеб и обрядовое печенье в б. Перемышльском у. Калужской губ.»[23]. Укажем, кстати, что Н. А. Шереметев, как следует из протокола заседания правления КОИД от 9 мая 1928 г., подготовил для несостоявшегося сборника трудов Общества статью «Хлебные цены Калужской губ. с 1900 по 1914 г.» (ГАКО, ф. Р-324, оп. 1, д. 25, л. 5). Научные интересы супругов, как видим, пересекались.

В статье «Хлеб и обрядовое печенье в б. Перемышльском у. Калужской губ.» в очередной раз мы видим одинаковый интерес исследовательницы

---

[22] *Шереметева М. Е.* Вожаки медведей в Калуге // Сборник Калужского государственного музея. Калуга, 1930. Вып. 1. С. 61–66.

[23] *Шереметева М. Е.* Хлеб и обрядовое печенье в б. Перемышльском у. Калужской губ. // Изв. Гос. Рус. геогр. о-ва. 1929. Т. 61, вып. 2. С. 215–242.

к предметному, обрядовому и вербальному кодам народной культуры. М. Е. Шереметева описывает принадлежности для хлебопечения (дежка – деревянная кадка; весло – деревянная палка; ночвы – осиновое корыто для просеивания муки и т. д.); указывает на участие хлеба в разных обрядах (при закладке дома; при засеве и зажинках; при выгоне скота; на свадьбе и т. д.); останавливается на ритуальных и праздничных кушаньях из муки (блины, оладьи, пироги, «покрестики» (в средокрестье), «каточки» (на Сороки или Вербное воскресенье), «жаворонки», «засеванная просфора»). Известный вид фигурного печенья «лесенки» в Калужском крае пекся на 40-й день поминовения покойных («лесенка» должна была умершему помочь добраться до Царствия Небесного). Подробно описывается свадебный круглый пирог «роща», украшенный «ражками» (веточками) и фигурками «бабочки» и «мужичка». При описании «рощи» и свадебного «каравая», пекшегося в доме жениха, этнограф дает ценную информацию об обрядовых действиях с названной выпечкой и приводит многочисленные песни. Вся статья сопровождается рисунками и фотографиями.

В июне 1928 г. М. Е. Шереметева обследовала также производство набойки в с. Перемышль, что отразилось в ее работах «Производство набойки в с. Перемышль Калужского уезда»[24] и «Набивание холста в Калужском крае» (Калуга, 1930). В этих трудах, грамотно иллюстрированных фотографиями и рисунками, как всегда у М. Е. Шереметевой, освещаются разные стороны явления: первые упоминания о крашенине и набойке в Калужском крае в XVII в.; исторические сведения о «синельнях» с конкретикой имен хозяев этих производственных заведений; техника и орудия производства; набоечные доски; стоимость продукции; социальный состав заказчиков в разные периоды развития производства.

Экспедиции 1927 и 1928 гг. позволили М. Е. Шереметевой собрать большой материал по теме «закликание весны», причем это был материал личных наблюдений, сделанных в день Сорока мучеников 9/22 марта в д. Большие Козлы Калужского уезда и Большие Сушки Лихвинского уезда. Статья «Земледельческий обряд – закликание весны в Калужском крае»[25] дает богатые сведения по весеннему обряду призыва весны: фотографии и рисунки «жаворонков»; песни-закликания, исполнявшиеся в начале XX в. в Калужском регионе детьми.

---

[24] *Шереметева М. Е.* Производство набойки в с. Перемышль Калужского уезда // Краеведение. 1929. Т. 6, № 8. С. 481–505.

[25] *Шереметева М. Е.* Земледельческий обряд – закликание весны в Калужском крае // Сборник Калужского государственного музея. Калуга, 1930. Вып. 1. С. 33–60.

В 1929 г. М. Е. Шереметева в Калужском крае начала собирать материал по Масленице. Отдельная работа «Масляница в Калужском крае» была напечатана позднее – в 1936 г. в журнале «Советская этнография»[26]. В связи с ужесточением идеологического диктата М. Е. Шереметева вынуждена была в начале статьи ввести требуемые тезисы: «Задача этнографа сейчас не только зафиксировать все эти старые бытовые явления, пока они еще живы в отдельных местах или пока о них еще помнят, как материал, ценный для истории культуры, но развернуть, пользуясь этим материалом, разъяснительную работу о вредной роли масляницы в быту в сельском хозяйстве; чем скорее отомрут религиозные предрассудки и традиции, тем быстрее трудящиеся смогут добиться организационно-хозяйственного укрепления колхозов»[27]. Далее же идет квалифицированное описание калужской Масленицы. Исследовательница акцентирует внимание на ритуалах, связанных с поминовением покойных: блины как поминальная пища; кулачные бои как наследие языческой тризны и т. д. Второй аспект масленичных обрядов, указывает исследовательница, – ритуалы, направленные на умножение плодородия (в том числе и масленичные куклы «молодой» и «молодая»). Безусловным достоинством и этой работы М. Е. Шереметевой, как и остальных, является описание процесса изготовления кукол, что она наблюдала лично. В статье дан интересный песенный материал (частушки, песни, хороводы на улице). Укажем, что статье приложены нотные расшифровки 5 песен, сделанные Т. Ф. Достоевской, калужской учительницей музыки. Фотографии отдельных эпизодов обряда принадлежат ее помощникам А. Г. Макарову и А. Г. Школьникову.

В том же 1929 г. М. Е. Шереметева сосредоточилась на изучении промысла углежжения. Через два года вышла ее книжка «Углежжение в Калужском районе»[28]. Вторая тема, ставшая центром ее внимания, – производство самопрялок в Пятовской волости Калужского уезда. Этот вид крестьянского производственного орудия нашел отражение в ее совместной с Н. А. Шереметевым книге «Самопрялочный промысел в Пятовском кустарном районе»[29]. По данным М. Е. Шереметевой, пионером самопрялочного промысла в Калужской губернии был Иван Пантелеев,

---

[26] *Шереметева М. Е.* Масляница в Калужском крае // Советская этнография. 1936. № 2. С. 101–120.

[27] Там же. С. 101.

[28] *Шереметева М. Е.* Углежжение в Калужском районе. Калуга, 1931.

[29] *Шереметев Н. А., Шереметева М. Е.* Самопрялочный промысел в Пятовском кустарном районе. Калуга, 1929.

крепостной столяр, работавший на парусной фабрике в с. Полотняный Завод, принадлежавшем Гончаровым.

Конец 1920-х – 1930-е гг. – это драматический период в советском краеведении, период его разгрома[30]. Калужское общество истории и древностей в рамках усиления идеологического диктата в его работе 5 июня 1929 г. путем слияния с Калужским губернским обществом краеведения, сосредоточенным на изучении географии, полезных ископаемых и животного мира[31], было преобразовано в Калужское общество изучения местного края (председатель В. И. Сосницкий, товарищ председателя М. Е. Шереметева; см. ГАКО, ф. Р-320, оп. 1, д. 11, л. 8). В 1930 г. на короткое время М. Е. Шереметева стала председателем Калужского общества изучения местного края[32]. 14 декабря 1930 г. КОИМК решением 1-й краеведческой конференции Калужского района было ликвидировано; его место заняло Калужское районное бюро краеведения (1930–1937). В 1937 г. все краеведческие организации в СССР были закрыты.

С начала 1930-х гг. научные цели краеведческих обществ и музеев стали подменяться политико-просветительными. Экспозиции краеведческих музеев подчинялись марксисткой периодике развития общества: первобытно-общинный строй; феодализм; капитализм; строительство социализма. В 1935 г. в Калужском музее была выполнена полная реэкспозиция. В одной из заметок М. Е. Шереметевой дано довольно полное описание музейного раздела «Феодализм в Калужском крае», основанного на этнографическом материале[33].

Научная деятельность М. Е. Шереметевой, по-прежнему напряженная, с начала 1930-х гг. постепенно перестала находить выход в публикациях. Исследовательница продолжала ездить в экспедиции. Сохранилось, например, удостоверение (июль 1936 г.) от Калужского районного бюро краеведения (РБК) о направлении ее в Калужский, Черепетский и Перемышльский районы «для собирания материала по старому и новому быту деревни» (ГАКО, ф. Р-323, оп. 1, д. 30, л. 8).

---

[30] *Иванова Т. Г.* История русской фольклористики XX века. 1900 – первая половина 1941 г. СПб., 2009. С. 488–539.

[31] См. одно из изданий Калужского губернского общества краеведения: Очерки Калужской губернии / Калужское губернское общество краеведения. Калуга, 1925. Сб. 1.

[32] Историко-краеведческие организации Калужского края (1891–1937). Библиографический указатель / Авт.-сост.: А. А. Бауэр. Калуга, 1982. С. 16.

[33] *Шереметева М. Е.* Работа по археологии и этнографии в Калуге за 1935–1936 гг. // Советская этнография. 1937. № 6. С. 136–139.

М. Е. Шереметева еще продолжала писать серьезные работы. Так, в апреле 1936 г. она предложила в журнал «Советская этнография» статью «Никола – покровитель конопли» (см. сопроводительное письмо: ГАКО, ф. Р-323, оп. 1, д. 30, л. 4). Статья напечатана не была, и местонахождение рукописи в настоящее время неизвестно.

В том же 1936 г. в Музейный отдел Наркомпроса М. Е. Шереметева послала статью «Обряды и песни старой деревни». Ответ был характерным для того времени:

29 июня 1936 г.
В Калужский музей
т. Шереметевой

Уважаемая т. Шереметева,

Я с большим интересом прочла Вашу заметку «Обряды и песни старой деревни». Очень отрадно знать, что музей ведет исследовательскую работу и обогащает экспозицию вещевым материалом.

В конце заметки Вы пишете о том, как отличается современный быт колхоза от быта старой деревни. Ведет ли Отдел соцстроительства Калужского музея работу по изучению этого быта и собиранию вещевого материала? Ведь в этом состоит важнейшая его задача.

Инспектор Комарова
(ГАКО, ф. Р-2878, оп. 2, д. 11, л. 4).

Судьба рукописи «Обряды и песни старой деревни» также неизвестна. С середины 1930-х гг. М. Е. Шереметева печатала лишь небольшие заметки исключительно в калужской периодике. В основном это были газетные материалы о деятельности Калужского музея[34]. Г. Б. Сафонова указывает, что с июня 1937 г. по август 1941 г. в областной периодической печати было опубликовано 32 статьи, знакомившие читателей с историей и культурой Калужской земли; еще несколько статей вышли в 1945 г.[35] Приведем газетную статью М. Е. Шереметевой, касающуюся фольклорной проблематики: «Как записывать частушки»[36]. Эта статья-опросник свидетельствует, что М. Е. Шереметева глубоко проникла в проблематику

[34] См., например: *Шереметева М. Е.* 1) Новое в Калужском музее // Коммуна. 1937. 12 февр. № 36; 2) В Историческом отделе Калужского музея // Коммуна. 1937. 23 окт. № 245; 3) Работа музея с учащимися // Коммуна. 1938. 14 дек. № 284 и др.

[35] *Сафонова Г. Б.* Этнографическая коллекция М. Е. Шереметевой в КГОКМ: история формирования и воссоздания // Песоченский историко-археологический сборник. Калуга, 2008. Вып. 6. С. 264.

[36] *Шереметева М. Е.* Как записывать частушки // Коммуна. 1936. 8 окт. № 230.

названного жанра, причем реагировала и на идеологические требования своего времени:

«1. Есть ли в данной деревне одно или несколько лиц, которые занимаются сочинительством частушек? (Указать этих лиц.)
2. Сочиняют ли в одиночку или совместно друг с другом?
3. Какие частушки поются только парнями, какие только девушками, какие исполняются теми и другими?
4. Нет ли частушек специально детских, или же ребятишки повторяют то, что слышат от старших?
5. Как отразилась классовая борьба в творчестве частушек?
6. Есть ли частушки, составленные местными комсомольцами?
7. В тех случаях, когда частушка содержит в себе намеки на события местной жизни, нужно указать факт, послуживший причиной создания этой частушки.
8. Не поются ли частушки для взаимной пикировки, для сатиры?
9. Под какой аккомпанемент поются частушки (гармоника, балалайка).
10. Отметить названия, которые носят частушки в данном селении (“страданья”, “колхозные”, “калужские”, “тульские” и т. д.).
11. Каждая запись должна быть собирателем датирована».

Калуга во время Великой Отечественной войны оказалась под властью фашистов с 12 октября по 30 декабря 1941 г. В здании Музея в этот период стоял штаб немецкой армии, а затем находилась комендатура. Музей, естественно, был разгромлен. М. Е. Шереметева не успела эвакуироваться. После освобождения города 23 августа 1942 г. ей и заведующему историческим отделом Музея было предъявлено обвинение в непринятии мер по эвакуации музейных ценностей. 16 декабря она была уволена из Музея. Некоторое время М. Е. Шереметева работала на фабрике «Игрушка», занимаясь раскраской деревянных изделий; затем в лекционном бюро в Доме народного творчества. 5 сентября 1944 г. М. Е. Шереметева была восстановлена на службе в Музее, но проработала здесь только до 15 мая 1945 г. С 1947 г. она являлась сотрудником Калужского областного художественного музея, откуда и ушла на пенсию. Одна из последних статей М. Е. Шереметевой – «Тарусская артель вышивальщиц», опубликованная в 1953 г. в журнале «Советская этнография»[37]: подробное описание технологии и узоров (птицы, петухи, дерево, геометрический орнамент) художественной вышивки Калужского края.

[37] *Шереметева М. Е.* Тарусская артель вышивальщиц // Советская этнография. 1953. № 2. С. 179–188.

Судя по документам, выставленным на виртуальной выставке ГАКО, конец жизни М. Е. Шереметевой был достаточно благополучным. Она получила статус пенсионера местного значения. Дважды (14 января 1957 г. и 12 февраля 1959 г.) Исполком Калужского областного Совета депутатов принимал решение об увеличении ей размера персональной пенсии – сначала до 500 руб., а затем до 600 руб. (ГАКО, ф. Р-883, оп. 17, д. 777, л. 48; д. 1178, л. 91).

Скончалась Мария Евгеньевна Шереметева 5 апреля 1963 г.; похоронена на Пятницком кладбище г. Калуги.

В 1984 г. В. Пуцко подготовил книжку трудов М. Е. Шереметевой «Все венки да поверх воды: Народное искусство Калужского края» (Тула, 1984), куда вошли ее работы «Крестьянская одежда Калужской Гамаюнщины (этнографический очерк)», «Женская одежда в бывшем Перемышльском уезде Калужской губернии», «Набивание холста в Калужском крае», «Хлеб и печенье в бывшем Перемышльском уезде Калужской губернии», «Тарусская артель вышивальщиц».

М. Е. Шереметева, без сомнения, является не только видным этнографом, но и одним из ярких представителей этнологического направления в отечественной фольклористике – того направления, которое возглавлял Д. К. Зеленин и которое было свернуто в 1930-е гг. Тогда, в 1930–1950-е гг., вербальный (песенный) код традиционной культуры оказался оторванным от крестьянского быта. Возрождение этнологического направления началось лишь в 1960–1970-е гг., когда наука о «живой старине» вернулась к пониманию значимости этнографической составляющей в фольклорной культуре. Именно поэтому обращение к наследию М. Е. Шереметевой столь важно в наше время не только для этнографии, но и для фольклористики.

Настоящая публикация состоит из двух частей: I. Письма М. Е. Шереметевой Д. К. Зеленину; II. Записи М. Е. Шереметевой сказок и образцов несказочной прозы.

Письма к Д. К. Зеленину хранятся в Санкт-Петербургском филиале Архива Российской академии наук в фонде ленинградского ученого (СПбФ АРАН, ф. 849, оп. 3, № 459). Эпистолярия датируется 2 марта 1926 – 19 июля 1933 г. Скорее всего, до нашего времени дошли не все письма калужского краеведа к выдающемуся этнографу. Ответные письма Д. К. Зеленина, к сожалению, неизвестны. Сложно сказать, были ли М. Е. Шереметева и Д. К. Зеленин знакомы до начала переписки, из которой следует, что столичный этнограф относился к работам его провинциальной коллеги с большой заинтересованностью и уважением.

В Архиве РАН единица хранения с письмами М. Е. Шереметевой, некоторые из которых не датированы, была сформирована с явным нарушением хронологии, поэтому, выстраивая порядок публикации писем, мы специально указываем листы того или иного письма, а в комментариях даем пояснение к датировке писем.

Записи М. Е. Шереметевой сказок и образцов несказочной прозы хранятся в Рукописном отделе Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН (РО ИРЛИ, р. V, кол. 1, п. 30, № 7–9; п. 14, № 48–50). К сожалению, по документам, хранящимся в фольклорном архиве, нам не удалось выяснить историю поступления материалов М. Е. Шереметевой в Пушкинский Дом. Записи прозаического фольклора, скорее всего, сделаны не под диктовку информанта, а являются пересказом первоначальной конспективной фиксации или воспроизведением по памяти слышанного сюжета. Особенности диалекта не отражены; названия текстов даны собирательницей. Материал печатается не в порядке расположения записей в единицах хранения, а по жанрам: предания и былички; сказки.

I. Письма М. Е. Шереметевой Д. К. Зеленину

Л. 4–5

№ 1
2 марта 1926 г.

Глубокоуважаемый Дмитрий Константинович,

Узнав от Дмитрия Ивановича Малинина[1], что Вы желаете иметь мою книжку[2], я послала Вам ее в двух экземплярах и надеюсь, что Вы их получили.

Я была очень-очень обрадована Вашим хорошим отзывом о моей работе, так как Ваше мнение для меня чрезвычайно ценно.

Очень бы хотела, конечно, чтобы Вы написали о ней рецензию в журнале «Этнография»[3]; может быть, тогда кто-нибудь заинтересовался бы этой книжкой. В Калуге она почти никому не интересна, т. к. тут мало лиц, интересующихся народным бытом и вообще – все публика очень равнодушная к книге.

Так как в нашем научном Обществе[4] совершенно не было денег (и в ближайшем будущем не ожидалось), то я решилась издать работу на

свои деньги. Если бы издание хоть немного разошлось, я могла бы подумать о следующем издании. А материал у меня довольно интересный: летом 1925 г. мне удалось собрать материал, касающийся праздников, обрядов и песен той же Гамаюнщины (8 тетрадей записей). Эти записи я собираюсь пополнить летом 1926 г. и обработать их в статью: «Обряды и песни Гамаюнщины»[5].

Вам, может быть, интересно знать, какая этнографическая работа идет сейчас у нас. На этот случай прилагаю к этому письму краткий отчет о деятельности Этнографической секции при Калужск<ом> Обществе истории и древностей[6] (секция существует только с 1924 г.).

Если кто-либо из Ваших знакомых захочет иметь мою книгу, то ее можно выписать наложенным платежом по следующему адресу: Калуга. Государственный областной музей. Калужское Общество истории и древностей. Марии Евгеньевне Шереметевой.

Уважающая Вас М. Шереметева.

Калуга, 2/III. 1926.

Недели две тому назад я послала свою брошюру в Москву, в редакцию журнала «Этнография», но рецензию бы хотелось иметь именно Вашу. М. Ш.

---

[1] Малинин Дмитрий Иванович (1879–1933) – калужский историк-краевед. Окончил Калужскую духовную семинарию (1895–1902), а затем историко-филологический факультет Дерптского университета (1902–1907). С 1909 г. – учитель в Калужском реальном училище. Член Калужской ученой архивной комиссии (с 1910 г.), давшей основание будущему Обществу истории и древностей. Действительный член Русского географического общества. С 1917 г. – профессор Калужского отделения Московского археологического института. Автор трудов о Калуге: «Опыт исторического путеводителя по Калуге и главнейшим центрам губернии» (Калуга, 1912), «Начало театра в Калуге: к истории Калуж. театра в XVIII в.» (Калуга, 1912) и др. В 1918—1926 гг. — председатель Калужского общества древностей и охраны художественных произведений (с 1923 г. — Калужское общество истории и древностей). В 1921—1923 гг. заведовал Губернским архивным управлением; в дальнейшем до 1929 г. научный сотрудник-архивист данного учреждения. В 1924 г. возглавил Калужский краеведческий музей. См. о нем: *Потапова Н. А.* Дом, в котором жил и работал историк Д. И. Малинин // Материалы Свода памятников истории и культуры РСФСР: Калужская область. М., 1978. С. 67–69 (Труды НИИИ культуры. Т. 70); *Потапова Н. А.* Могила историка и краеведа Д. И. Малинина //

Там же. С. 69–70; Историко-краеведческие организации Калужского края (1891–1937 гг.): Библиогр. указ. / Авт.-сост.: А. А. Бауэр. Калуга, 1982. С. 28–31; *Вусович Ю. А.* Биография Дмитрия Ивановича Малинина // Малинин Д. И. Неизданные рукописи. Калуга, 2010. С. 12–24 (с библиогр. трудов).

[2] Речь идет о книге М. Е. Шереметевой «Крестьянская одежда Калужской Гамаюнщины: Этнографический очерк» (Калуга, 1925). Книга заинтересовала Д. К. Зеленина в связи с его собственной работой «Женские головные уборы восточных (русских) славян», опубликованной в чехословацком журнале Slavia (1926. Roč. 5. Š. 2. S. 303–338; 1927. Roč. 5. Š. 3. S. 535–556).

[3] «Этнография» – журнал, выходивший под редакцией С. Ф. Ольденбурга в 1926–1930 гг. Рецензия Д. К. Зелениным на книгу М. Е. Шереметевой написана не была. См. положительный отзыв: *Грум-Гржимайло А.* [Рец.] // Краеведение. 1926. Т. 3. № 3. С. 400–401.

[4] Имеется в виду Калужское общество истории и древностей.

[5] Статья написана не была.

[6] Названный отчет, посланный при письме, отсутствует. Вероятно, это был примерно тот же текст, что и в хронике М. Е. Шереметевой (см.: *Шереметева М. Е.* Этнографическая секция при Калужском обществе истории и древностей за 1925 г. // Этнография. 1926. № 1/2. С. 288–290).

Л. 1–3

№ 2
19 апреля 1926 г.

Глубокоуважаемый Дмитрий Константинович,

Пожалуйста, не откажите, дать мне совет в моей работе. Летом 1926 г. я предполагаю (кроме продолжения обследования Гамаюнщины) собирать материал на тему: «Русальская неделя в Калужской губ.»[1]. У меня уже есть некоторый материал из определенных деревень, уездов: Спас-Деменск<ого>, Масальского, Перемышльского, Калужского, Лихвинского, с описанием обрядов, совершаемых на русальск<ой> неделе: гадание в лесу по венкам; наряживание березки «бабой», с детальн<ым> описанием ее костюма; бросание этой «бабы» или «куклы» в реку; украшение венками и цветами табунов лошадей и стад рогатого скота; жертвы в Троицкую субботу на могилы предков (молоко, кисель, куры и проч.); рассказы о русалках; рассказы о нечистой силе, которая шалит на «кривой» троицк<ой> неделе...

Я собираю материал частью путем личного опроса с точным обозначением лица, деревни, волости и проч. (Сейчас я живу в Калуге и опрашиваю приезжающих сюда на время крестьянок.) Летом, может быть,

удастся самой проехать в какие-нибудь глухие углы. Кроме того, я собираюсь разослать во все уезды анкету, вопросы которой я сама на днях составила.

У меня к вам большая просьба. Будьте настолько добры, напишите мне: 1) Думаете ли Вы, что проделав эту работу, я смогу добыть кое-какой новый ценный материал; или же тема эта настолько уже изучена и столько по ней писано (наприм<ер>, в «Этнограф<ическом> обозрении», в «Живо<ой> стар<ине>»[2] и т. д.), что нового я почти ничего не соберу.

2) Если Вы находите, что этот материал стоит собирать, то одобряете ли Вы мой краткий план собирания материала:

I Семик
II Троицк<ая> суббота и поминальные обряды
III Троицкий день
IV Духов день } с песнями и обрядами
V Заговенье
VI Рассказы о русалках
VII О нечистой силе вообще на Троиц<кой> неделе

3) Я наметила вопросы анкеты для уездов. Что думаете Вы о них? Как их изменить и дополнить?

Программа обследования Троицких обрядов*[3]
в Кал<ужской> губ.

1) Есть ли в вашей местности название «русальская неделя» и какая неделя так называется: неделя до Троиц<ына> дня или от Троицына дня до «Заговенья».
2) Как справляют у вас четверг до Троицы (Семик)? Поминают ли умерших неестеств<енной> смертью (утопленников, удавленников и проч.)? Где их поминают?
3) Что в Троиц<кую> субботу носят родителям на могилы (куру, кисель, пироги или еще что-либо)? Едят ли поминающие на погосте?
4) Не поминают ли в Семик или какой-нибудь другой день некрещенных младенцев и присыпух?
5) Как справляют Троицын день? Украшают ли венками и цветами лошадей и коров? Ходят ли в лес или, может быть, ходили раньше, завивать березки? Как завивают березки?

Какие песни при этом поют? (Записать песни.)

Садятся ли под венком закусывать и что едят? Как гадают на венках?

6) Как справляют Духов день? Ходят ли в лес? Какие песни поют?
7) Как справляют «Заговенье». Наряжают ли березку «бабой» или «куклой»? Какие песни поют, когда несут «бабу» на (за. – *Т. И.*) деревню или к реке? Бросают ли «бабу» в реку?
8) Не называют ли «Заговенье» – «Проводы русалок»?
9) Не хоронят ли на «Заговенье» какое-нибудь чучело?
10) Не говорят ли, что на Троицкой неделе бегают русалки? Где они бегают? Какие они с виду? Что они делают (путают рожь, заманивают, щекотят, или еще что?)
11) Гоняют ли русалок и как?
12) Не носят ли им хлеба или меда на росстаня или перекрестки?
13) Не носят ли им новины после Ильина дня?
14) Когда появляются русалки (в Страстн<ой> четверг, или на Святой, или перед Троицей, или на самую Троицу?)

    Когда они пропадают (на Заговенье, на Петров день, или осенью, или в другой какой-нибудь срок?)
15) Запишите рассказы о русалках.
16) Запишите рассказы о том, как шалит нечистая сила на Троиц<кой> неделе (лесовой, речной и проч.).

    Прошу расспросить стариков и старух о том, как справляли Троицкую неделю в старину, и рассказы эти записать.

Анкету эту я хочу раздать в руки знакомых крестьянок и учителей (по уездам).

Глубокоуважаемый Дмитрий Константинович, ответьте мне, пожалуйста. Простите меня, что беспокою Вас; но провинциал<ьным> работникам, не имеющим под рукой специальной литературы, трудно обойтись без помощи; особенно начинающим.

К Вам же обращаюсь, как к знатоку этого вопроса. Вашу замечательную книгу «Умершие неестеств<енной> смертью»[4] имею.

Чтобы не затруднять Вас, прилагаю конверт со своим адресом.

Уважающая Вас и сердечно преданная
М. Шереметева.

19/IV.1926.

Калуга, просп. Женщин Работниц, д. 12.

[1] Статья на тему русальных обрядов в списке трудов М. Е. Шереметевой отсутствует.

[2] Имеются в виду дореволюционные журналы: «Этнографическое обозрение» (1889–1917), издававшееся в Москве Обществом любителей естествознания, антропологии и этнографии, и «Живая старина» (1890–1916), орган Русского географического общества (Петербург).

[3] В письме под строкой со знаком * М. Е. Шереметева отметила: «Не пишу “русальских”, т. к. это название не всюду известно в Калужск<ой> губ.».

[4] Имеется в виду книга Д. К. Зеленина «Очерки русской мифологии. Вып. 1: Умершие неестественной смертью и русалки» (Пг., 1916).

Л. 6–7

№ 3
24 марта 1927 г.

24/III.1927.

Глубокоуважаемый Дмитрий Константинович,

Большое Вам спасибо за присланный в Калужское Общество истории и древностей Ваш прекрасный труд[1]. Я в этот же день отправилась к Д. И. Малинину, и мы вместе восторгались им. Сейчас я его читаю и на днях передам председателю О<бществ>а Д. А. Никольскому[2].

Напрасно Вы думаете, что Вы так мало известны Калуге, что только Дм<итрий> Ив<анович> предложил избрать Вас почетным членом О<бществ>а[3]. В одном только правлении О<бществ>а Вас знают трое: Д. И. Малинин, я и врач В. Г. Попо[4], с которым я собирала материал по свадьбе. Письмо правления Общества Вам уже послано.

9 марта на «40 мучеников» я ездила наблюдать обряд закликания весны в д. Большие Козлы Кал<ужского> у[5]. Это было любопытно. Сделала зарисовку и привезла в наш музей печенье «жаворонки». У меня собрано по разным уездам 13 песенок закликанья весны. Летом продолжу сбор этого материала и, если это Вас не затруднит, попрошу Вас просмотреть этот материал. Сбор материала по обрядам, связанным со скотоводством, идет у меня довольно удачно; записала «обливание коров», «крещение скота», случаи порчи скота колдунами и проч. Все, что Вы просили передать Д<митрию> Ив<ановичу> – я ему сообщила. Спасибо Вам за все Ваши указания и советы.

Уважающая Вас М. Шереметева.

[1] Имеется в виду книга Д. К. Зеленина «Russisch (Ostslavisch) Volkskunde» (Berlin; Leipzig, 1927).

[2] Никольский Д. А. (1883– ?) – сотрудник единого архива, созданного в 1919 г. в Калуге (будущий Государственный архив Калужской области). Судя по справочнику А. А. Бауэра, в котором в отличие от других лиц не представлен персональный список трудов Д. А. Никольского, у него не было крупных краеведческих работ. В генеральном каталоге Российской национальной библиотеки труды Д. А. Никольского не выявлены. Председателем КОИД он являлся с 1926 по 1929 г. Известно, что Д. А. Никольский представлял КОИД на второй Музейной конференции СССР в 1926 г. (*Бауэр А. А.* Калужское общество истории и древностей (1918–1929 гг.) // Вопросы истории. 1979. № 10. С. 178).

[3] Вопрос об избрании Д. К. Зеленина, наряду с другими лицами, почетным членом Калужского общества истории и древностей обсуждался на Правлении Общества 27 декабря 1926 г. (ГАКО, ф. Р-324, оп. 1, д. 10, л. 17 об.).

[4] Попов Василий Григорьевич (1876– ?) – врач. В каталоге Российской национальной библиотеки зарегистрировано 4 его работы по вопросам офтальмологии за 1905–1930 гг., изданные в Калуге.

[5] Большие Козлы – деревня, расположенная в 6 км от Калуги. Ныне административно относится к Перемышльскому району Калужской области.

Л. 8–9

№ 4
24 февраля 1928 г.

Глубокоуважаемый Дмитрий Константинович,

Спасибо Вам за ваше письмо. Очень рада, что моя книжка[1] Вам понравилась.

Приготовила к печати работу: «Женский костюм в б<ывшем> Перемышльском уезде»[2] на 3 печатн<ых> листа, с 20-ю иллюстрациями и чертежами одежды. Эту работу я читала в декабре 1927 на 2-ом Этнологическ<ом> совещании в Москве[3]. У меня есть небольшая надежда, что Музейн<ый> отд<ел> Главнауки[4] ассигнует Калужск<ому> музею некоторую сумму на ее издание. Отзывы о ней Б. М. Соколова[5] и Этнолог<ического> совещания переданы в Музейн<ый> отдел.

Сейчас я собираю материал на тему «Закликание весны в Кал<ужском> и Лихв<инском> у. у.». 9 марта, на Сороки, 1927 г. я ездила в д. Б<ольшие> Козлы Кал<ужского> у. смотреть выполнение этого обряда и записала песенки закликания. У меня есть записи по этому обряду Мещовск<ого>, Козельс<кого>, Лихв<инского> у. у. В общем мной

записано 29 вариантов формул закликания и собрана коллекция печеных жаворонков. Летом я еще продолжу собирание этого материала. Тогда смогу написать что-нибудь по этому вопросу. Сознаюсь, что самый обряд, совершаемый под ясным небом, при пении птиц, произвел на меня впечатление, и я часто вспоминаю эти минуты ранней весны, наивное кликанье в деревенских садах, еще покрытых глубоким снегом.

Очень только трудно в Калуге со специальн<ой> литературой. Ю. М. Соколов[6] обещал мне выслать посылкой кое-какую литературу по весенним обрядам (из библиот<еки> Рос<сийского> историч<еского> музея) – сам мне предложил такую помощь, когда я была в Москве; но ничего из этого не вышло, несмотря на ходатайство Калужского музея и мои напоминания.

Летом, если будут средства, произведу обследование «Синельни» в г. Перемышле – заведения по набиванию холста, и продолжу собирание материала по обрядам, связанным со скотоводством. Есть у меня и кое-какой материал по обрядовому печенью южн<ой> части Калужск<ой> губ.; между прочим, я привезла в Музей из с. Варварёнки[7] большой разукрашенный свадебный пирог – «Рощу».

Вы меня очень порадовали, глубокоуважаемый Дмитрий Константинович, сообщением в Вашем письме ко мне, что о моих работах был разговор в Географическ<ом> обществе[8]. Конечно, для меня было бы и очень лестно, и очень важно, если бы они были отмечены Географ<ическим> обществом. Это бы облегчило мою работу по этнографии здесь, т. к. Вы знаете, что в провинции каждый шаг научной работы, каждую поездку приходится завоевывать с большими усилиями.

И правление Кал<ужского> О<бщест>ва истории и древностей, и Д. И. Малинин шлют Вам привет.

Уважающая Вас М. Шереметева.

Калуга, Золотаревская ул., д. 10.
Госуд<арственный> музей.

24 февр<аля>
1928 г.

P. S. Надеюсь, Вы получили посланный мной экземпляр «Свадьбы»[9] для Этнограф<ического>отд<еления> Музея Академии наук[10]. Плата дошла. Благодарю. М. Ш.

---

[1] Имеется в виду книга М. Е. Шереметевой «Свадьба в Гамаюнщине Калужского уезда» (Калуга, 1928).

[2] Издано под названием «Женская одежда в б. Перемышльском уезде Калужской губернии. С 26-ю рис. на отд. листах» (Калуга, 1929).

[3] 7–10 декабря 1927 г. в Москве состоялось второе Этнологическое совещание по центрально-промышленной области. Материалы конференции опубликованы: Культура и быт населения Центрально-Промышленной области (этнологические исследования и материалы). 2-е Совещание этнологов Ц. П. О. 7–10 декабря 19027 г. М., 1929.

Отметим, что до января 1929 г. понятие «центрально-промышленная область» не было административным; употреблялось исключительно для неофициального обозначения центральных губерний РСФСР. 14 января 1929 г. в рамках ликвидации губерний была учреждена Центрально-Промышленная область, объединившая Московскую, Рязанскую, Тверскую, Тульскую губернии и части соседних Владимирской и Калужской губерний. 3 июня 1929 г. ЦПО была переименована в Московскую область.

Инициатором совещания декабря 1927 г. был Государственный музей центрально-промышленной области, имевший Этнологический подотдел. Первое подобное совещание Музей созвал 29–30 марта 1926 г. (см.: Вопросы этнографии Центрально-промышленной области: первое этнологическое совещание по Центрально-промышленной области при Государственном музее Ц. П. О. 29–30 марта 1926 / Ред. В. В. Богданов, С. П. Толстов. М., 1927). В 1935 г. этнографические и археологические коллекции Московского областного краеведческого музея (новое название Музея) были переданы в г. Истру и размещены в зданиях Ново-Иерусалимского монастыря, закрытого в 1918 г. и преобразованного в Историко-художественный музей (ныне музей «Новый Иерусалим»).

Вопрос о направлении на совещание делегата от Калуги обсуждался 9 мая 1927 г. на заседании Правления Калужского общества истории и древностей. Ввиду отсутствия средств у Общества было принято решение делегатов не посылать (ГАКО, ф. Р-324, оп. 1, д. 25, л. 5). Тем не менее М. Е. Шереметева приняла участие в совещании, представляя одновременно Калужский областной музей и Калужское общество истории и древностей. Судя по заявлению М. Е. Шереметевой директору Музея С. А. Петровскому от 14 ноября 1927 г., первоначально совещание в Москве было назначено на 20 ноября – 1 декабря (ГАКО, ф. Р-2878, оп. 1, д. 35, л. 22). В данном заявлении М. Е. Шереметева просила разрешение по окончании этнологического совещания остаться в Москве для ознакомления с этнологической работой в московских музеях.

На совещании М. Е. Шереметева сделала два доклада: о женском костюме в Перемышльском уезде; обзор работы по этнографии в Калуге. Сохранился отчет М. Е. Шереметевой – «Отчет о командировке в Москву на 2-е Этнологическое совещание при Музее ЦПО, имевшего быть 7–10 декабря 1927 г.» (ГАКО, ф. Р-2878, оп. 1, д. 35, л. 41–43 об.). Дав общую статистику совещания (67 делегатов, 28 докладов) и список отдельных докладов (среди докладчиков: Б. М. Соколов «Народные верования и обряды как предмет музейной экспозиции»; Н. И. Лебедева «Типологические элементы материальной культуры

юга Рязанской и Тульской губернии»; С. П. Толстов «Вопросы изучения крестьянских построек Средней России» и др.), о своем докладе М. Е. Шереметева писала: «Доклад Шереметевой “Женский костюм в б<ывшем> Перемышльском у. Кал<ужской> губ.” признан основательным, серьезным. Вся этнографическая работа, ведущаяся в Калуге, признана ценной и продуктивной. Вынесено пожелание о материальной ее поддержке как со стороны Центра, так и местных учреждений; вынесено пожелание опубликовать за госуд<арственный> счет работы Шереметевой» (ГАКО, ф. Р-2878, оп. 1, д. 35, л. 43 об.). Из Отчета также следует, что М. Е. Шереметева в рамках совещания познакомилась с этнографическими экспозициями в Музее ЦПО (костюм и утварь национальных меньшинств) и Центральном музее народоведения (ткачество и прядение). Краткое изложение доклада М. Е. Шереметевой опубликовано в сборнике совещания: «Женский костюм в районе “Монастырщина”, бывш. Перемышльского уезда, Калужской губернии» (С. 97–99); равным образом и ее «Краткая информация об этнографической работе в Калуге в 1926–1927 гг.» (С. 174–175).

[4] Главнаука (Главное управление научными, научно-художественными и музейными учреждениями) — государственный орган координации научных исследований теоретического профиля и пропаганды науки и культуры в РСФСР, существовавший в 1921—1930 гг.; был сформирован в составе Академического центра Народного комиссариата просвещения (Наркомпроса).

[5] Соколов Борис Матвеевич (1889–1930) – ведущий фольклорист России в 1920-е гг. С января 1924 г. директор созданного после революции Центрального музея народоведения, существовавшего с 1924 по 1948 г. – главного этнографического музея страны. На 1927 г. Музей располагался в здании Нескучного дворца в Москве (Бол. Калужская, д. 24).

[6] Соколов Юрий Матвеевич (1889–1941) – ведущий фольклорист России в 1920–1930-е гг. С 1919 г. профессор Московского университета. С того же года – заведующий читальным залом библиотеки Исторического музея (Государственного (Российского) исторического музея); в 1922–1929 гг. заведующий библиотекой. Участвовал в организации сети академических библиотек в стране.

[7] Село Варварёнки ныне административно находится в Бабынинском районе Калужской области.

[8] Географическое общество – Русское географическое общество (РГО), созданное в 1845 г. При нем с самого начала существовало Отделение этнографии, которое стало первым государственным центром (и архивом) изучения этнографии и фольклора. В 1928 г. РГО присудило М. Е. Шереметевой за работы по этнографии Калужского края малую серебряную медаль (Отчет о деятельности государственного Русского географического общества в 1928 году. Л., 1929. С. 7).

[9] Имеется в виду книга М. Е. Шереметевой «Свадьба в Гамаюнщине Калужского уезда» (Калуга, 1928).

[10] М. Е. Шереметева имеет в виду Кунсткамеру – первый российский музей, созданный в 1714 г. Петром I. Д. К. Зеленин по возвращении из Харькова, где он находился в годы Гражданской войны, в Ленинград (1925) с 1926 по 1949 г. являлся сотрудником Музея антропологии и этнографии АН СССР (с 1933 г. – Институт антропологии и этнографии АН СССР; с 1992 г. – Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера)): научный сотрудник 1-го разряда (с янв. 1926 г.); старший этнограф и заведующий библиотекой (с 1927 г.); заведующий Кабинетом Европы и Кавказа (с 11 февраля 1937 г.).

Л. 10–11

№ 5
4 декабря 1928 г.

Глубокоуважаемый Дмитрий Константинович,

Одновременно с этим письмом высылаю Вам в Музей этнографии[1] казенным пакетом через Обл<астной> музей рукопись для Erdball[2] и бумагу, котор<ую> Вы мне прислали. Задержалась с ответом из-за фотографий и рисунков.

Пожалуйста, Дмитрий Константинович, выбросьте из рукописи и рисунков то, что Вы считаете лишним, и измените то, что найдете нужным. Прошу Вас об этом, хотя мне и очень совестно затруднять Вас.

В случае напечатания статьи – хотела бы получить авторские оттиски в обложках, как, наприм<ер>, Ваши оттиски из «Slavia»[3].

Получила на днях офиц<иальное> извещение о том, что избрана членом Географ<ического> о<бществ>а. В Калужск<ое> О<бществ>о истории и древн<остей> пришло приглашение – участвовать в Совещании этнологов, антропологов и проч., которое созывается в Москве в феврале, при Музее Центр<ально>-пр<омышленной> обл<асти>[4]. Не знаю, как мне быть: если ехать в Москву в феврале, то надо бросить мысль о поездке в Ленинград в Геогр<афическое> О<бщест>во, а это мне жаль. Две же поездки не выйдут по служебным соображениям. Пожалуй, лучше 6 дней проработать в Ленинграде, чем провести дня 3 в Москве на съезде. Там уж не придется почитать. Что Вы мне посоветуете? Предполагаете ли Вы быть на этом совещании?

Спасибо большое Вам за Ваше письмо, за хлопоты в Erdball. Простите, что все беспокою Вас.

Уважающая Вас М. Шереметева.

Золотаревская, 10.
4 декабря 1928.

P. S. Боюсь, что моя статья займет немного более 5 печ<атых> страниц. Полная рукопись об обрядов<ом> печении – листа на 2 ½.

---

[1] Имеется в виду Музей антропологии и этнографии АН СССР. См. комментарий 10 к письму № 4.

[2] Д. К. Зеленин был инициатором публикации в немецком журнале «Der Erdball: Illustriete Monatsschrift für das gesamte Gebietder Anthropologie, Lander und Volkerkunde» (Berlin) статей М. Е. Шереметевой: «Обрядовое печенье в России» и «Ручные медведи в России». См.: *Scheremeteff Maria*. 1) Das rituelle Gebäck in Rußland // Der Erdball. 1929. Jahrg 3, Heft 1. S. 25–28; 2) Die dressierten Bairen in Rußland // Der Erdball. 1929. Jahrg 3, Heft 7. S. 270–275, с рис.

[3] В чехословацком (Прага) журнале Slavia Д. К. Зеленин опубликовал: Женские головные уборы восточных (русских) славян // Slavia. 1926. Roč. 5. Š. 2. S. 303–338; 1927. Roč. 5. Š. 3. S. 535–556; [Рец. на кн.: *Воронов В.* Крестьянское искусство. М., 1924] // Slavia. 1927. Roč. 6. Š. 2/3. S. 563–568; Русское «закудыкать»: Этюд из социальной психологии языка // Slavia. 1929. Roč. 8. Š. 3. S. 493–502. Д. К. Зеленин, без сомнения, подарил М. Е. Шереметевой оттиск своей статьи о женских головных уборах. Оформление оттиска, по-видимому, ей понравилось.

[4] Сведения о совещании этнологов и антропологов, созванном в Москве Музеем центрально-промышленной области в феврале 1929 г., отсутствуют.

Л. 30

№ 6
Не ранее 5 мая 1929 г.[1]

Глубокоуважаемый Дмитрий Константинович,

Благодарю Вас за то, что уже ответили утвердительно журн<алу> «Der Erdball»; хорошо, что Вы согласились на два рисунка. В Географ<ическое> о<бщест>во относительно высылки мне отчета за 1928 г.[2] я написала; спасибо Вам за совет.

В апреле мне удалось совершить интересную поездку для обследования кустарного самопрялочного промысла в Пятовской вол., Калужск<ого> у. (Приугорский район)[3]. В этой волости работает более 1 500 самопрялочников. В большом селе Дворцы[4], где я была, – в 379 избах шумят станки. Удалось сделать хорошие фотографические снимки с производства. Снимки по масляничным обрядам – наряживание куклы и проч., о которых я Вам писала в моем последнем письме, также вышли удачными.

Поздравляю Вас с наступающим весенним Праздником.

Уважающая Вас М. Шереметева.

[1] Письмо датируется по темам, в нем затронутым (публикация статьи М. Е. Шереметевой в журн. «Der Erdball», отчет Географического общества за 1928 г.), и конечной фразе «Поздравляю Вас с наступающим весенним Праздником». Полагаем, что речь идет о Пасхе, которая в 1929 г. приходилась на 5 мая.

[2] Речь идет об издании: Отчет о деятельности Государственного Русского географического общества в 1928 году. Л., 1929.

[3] Пятовский – поселок в современном Дзержинском районе, расположенный на р. Угре – левом притоке Оки. Результатом этнографической экспедиции, совершенной в апреле 1929 г., стала совместная книга М. Е. и Н. А. Шереметевых: *Шереметев Н. А., Шереметева М. Е.* Самопрялочный промысел в Пятовском кустарном районе. Калуга, 1929.

[4] Дворцы – село в современном Дзержинском районе. В 2014 г. здесь был создан музей-диорама «Великое стояние на Угре», посвященный событию 1480 г. – противостоянию русской армии Ивана III и хана Большой Орды Ахмата.

Л. 12, 16

№ 7
13 июня 1929 г.

Глубокоуважаемый Дмитрий Константинович,

Простите, что задержалась с рисунком, о котором Вы мне говорили зимой. Икону Страшного Суда с изображением бесов сфотографировали для Вас, но снимок вышел плохой, т. к. икона темна, ветха и покрыта трещинками. Сделала рисунок одного из бесов, но вышло тоже плохо. Я ведь рисую неважно, и краски сейчас в Калуге есть только дешевые с примесью какого-то клея. Бесы помещены по кайме (их много, один держит другого, почти все однотипные) с правой стороны большой иконы Страшного Суда 1713 г. из Спас Жировской церкви[1] гор. Калуги.

Хотя мне совестно посылать Вам такой скверный рисунок, но лучше у меня не выходит. Краски и контуры старалась передать точно; рисунок уменьшила в 2 раза[2].

Спасибо Вам за книжку о смолокурении[3], котор<ую> Вы мне присылали. Я вернула ее в срок через неделю. Надеюсь, она дошла благополучно.

Желаю Вам приятно провести лето. Не собираетесь ли Вы приехать в Калужск<ую> губ.? Если будете в Калуге – приезжайте прямо к нам – пр. Женщин-Работниц, д. 12. Вы могли бы тут отдохнуть от всяких забот.

Уважающая Вас М. Шереметева.

13/VI. 1929.

[1] М. Е. Шереметева описывает икону Страшного суда из калужской церкви Спаса Преображения на Жировке. Церковь была сначала деревянной; в 1732 г. усердием купца Рыжкова поставлен каменный храм, разобранный в 1932 г. Описание церкви см.: *Малинин Д. И.* Калуга: Опыт исторического путеводителя по Калуге и главнейшим центрам губернии. Калуга, 2004. С. 139–141. Первое изд.: 1912.

[2] Рисунок при письме отсутствует.

[3] О какой книге идет речь, установить не удалось.

Л. 17–18

№ 8
23 июня или июля 1929 г.[1]

Глубокоуважаемый Дмитрий Константинович,

В то время, как я уезжала в Перемышль, пришла в Музей Ваша посылка с журналом «Der Erdball»[2]. Спасибо Вам большое, Дмитрий Константинович, за то, что помогли мне с этой статьей. Простите только, что затруднила Вас.

Летом мне удалось собрать материал по производству древесного угля[3] в Лихвинск<ом> уезде. Очень хороши вышли 8 фотограф<ических> снимков к этой теме. Кроме того, ездила в Калужск<ий> уезд и пополнила материал по масляничным обрядам, которые у меня уже засняты этой весной на Маслянице[4].

Очень бы хотелось зимой приехать в Ленинград и показать Вам все это; нарочно оставляю про запас 10 дней отпуска на зимнюю поездку, но не знаю – удастся ли выбраться так далеко. Как ваши работы? Очень была бы рада получить от Вас несколько слов, но знаю, что Вам некогда.

Еще раз спасибо Вам. Д. И. Малинин шлет Вам привет.

Уважающая Вас М. Шереметева.

P. S. У меня еще набираются довольно интересные снимки с источников и колодцев, у которых бывают моления – это к теме «Культ воды в Калужском крае»[5]. Хочется это заснять, пока не разрушилось. Засняла пока 4 таких ключа и записала к ним легенды.

М. Ш.

23 июня (июля? – *Т. И.*) 1929.
Золотаревская, 10.
Музей.

[1] Авторская датировка письма, данная в его конце, читается нечетко.

[2] См. комментарий 2 к письму № 5.

[3] Результаты полевых исследований М. Е. Шереметевой отражены в ее книге «Углежжение в Калужском районе» (Калуга, 1931). В дальнейшем тема была развита в другом труде: «Лесохимические промыслы в Калужском районе» (Калуга, 1934).

[4] См. статью М. Е. Шереметевой: Масляница в Калужском крае // Советская этнография. 1936. № 2. С. 101–120.

[5] Специальная работа М. Е. Шереметевой о культе воды в списке ее трудов отсутствует.

Л. 20, 22, 13, 21, 14 рис., 15 рис.

№ 9
Около 16 августа 1929 г.[1]

Глубокоуважаемый Дмитрий Константинович,

Вот описание иконы Страшн<ого> Суда 1713 г.[2] Наверху справа Горний Јерусалим; в нем церкви и палаты с ликами Препод<обных> Жен, Мучеников, Преподобных, Пророков и проч. От Города облако и под облаком в центре иконы поверху Отец на престоле, Сын благословляется от Отца; а рядом Отец с Сыном на облаке; внизу у них под ногами многоочимые херувимы. Ниже Господь восседает судить на престоле Славы; у ног – Адам и Ева; по сторонам 12 апостолов с книгами. Еще ниже престол и на нем завеса храма, Евангелие и Крест. Под престолом облачко, из него рука, которая держит души праведных в виде человечков; а на двух перстах висят мерила праведные; под мерилами стоит душа праведная – нагая. По сторонам престола идут на Суд Пророки, Святые и проч. Слева – Моисей указывает евреям Христа распятого, и за Моисеем стоят разные народы. Под ним Земля, символизированная в виде женской фигуры в одеждах – она отдает телеса. Ниже престола слева ангелы гонят копьями бесов и грешников в ад. Бесы здесь с человеч<ескими> лицами, с рогами. В левом нижн<ем> углу иконы – пасть адова красного цвета; из этой пасти выходит Змей красного цвета, и главой досягает он даже до престола. По Змею мытарства: в кольцах, изображающих разные грехи, сидят малые бесы с крыльями (у некот<орых> крылья нетопырей), с рожками, с челов<ескими> лицами; эти бесы в руках держат вроде больших рыболовных крючков для улавливания душ. Здесь же с лев<ой> стороны в четыреуг<ольном> обрамлении 4 царства – 4 звериных образа.

В левом нижнем углу сидит Сатана (в огне ада); в руках он держит душу Judы в виде младенца. Сатана – крупная фигура с темным телом, с темными крыльями, с бородой (бесы почти все безбородые), с косматыми волосами, с оскаленными зубами. С левой стороны композиций – кайма, идущая сверху вниз по левому краю иконы: наверху стоят ангелы и копьями низвергают отпадший лик в ад – вся кайма заполнена этим ликом; мелкие бесы (десятка полтора их) – с крыльями, с человеч<ескими> или звериными ликами, с приподнятыми волосами, руки и ноги у них с когтями. А в самом низу помещен Сатана. Мелкие бесы толкают друг друга все ниже в ад. Тела их худы и уродливы, с обозначенными ребрами, с выдающимися костями. На рисунке, который я вам прислала, изображено следующее (из каймы): бес, котор<ый> повыше, имеет морду звериную с всклокоченными волосами, голова свернута на бок, тело повернуто в другую сторону; небольшие рожки не особенно выделяются; большие уши; уши и волосы зеленовато-красноватого цвета. Крылья перистые. Правой рукой он толкает вниз другого беса с человеч<еским> лицом и перистыми крыльями. Рога плохо видны, волосы торчат кверху.

С правой стороны иконы (центр) – святые направляются в рай. Внизу справа представлен рай: Авраам и друг<ие> Праотцы; выше по прав<ому> краю иконы – святые возносятся[2] в рай. В самом низу иконы представлены грешники (сребролюбцы, блудники, душегубцы и друг<ие>), мучающиеся в аду.

Размер иконы:
Вышина – 3 аршина
Ширина – 2 арш<ина> 4 верш<ка>

Фигура одного из бесов (приблизительно в нат<уральную> вел<ичину>) со звер<иной> мордой – из каймы.

Простите, что посылаю плохие рисунки, но лучше у меня не выходит; тем более, что икона стоит очень неудобно.

Отпечатков[3] колодцев у меня еще нет. Как получу, вышлю Вам. Надеюсь, Вы получили мое предыдущее письмо, в котор<ом> я благодарю Вас за книги. Еще раз спасибо за Вашу книгу «Табу слов»[4]. Она очень помогает мне разобраться в ряде вопросов.

Уважающая Вас М. Шереметева[5].

---

[1] Письмо датируется по конверту со штампом: 16.8.29 (л. 19). В архиве листы этого письма оказались разрозненными.

[2] В этом месте письма на л. 13 дано изображение (рисунок чернильным пером) беса со звериной мордой.

[3] Речь идет о фотографиях колодцев и источников, о которых упоминается в письме № 8.

[4] Имеется в виду книга Д. К. Зеленина «Табу слов у народов Восточной Европы и Северной Азии. Ч. 1: Запреты на охоте и иных промыслах» (Л., 1929 (Сб. Музея антропологии и этнографии. Т. 8)).

[5] К письму приложены рисунки: 1) Л. 14. Рисунок акварелью беса. Текст: *Рисунки посылаю лишь для того, чтобы яснее было описание иконы. Красный Змей, на нем кольца грехов, в кольце бес с крючком*. 2) Л. 15. Рисунок акварелью двух бесов.

Л. 23–24

№ 10
Не позднее 23 августа 1929 г.[1]

Глубокоуважаемый Дмитрий Константинович,

К сожалению, я ничего не могу сообщить Вам интересного относительно запрета рассказывать сказки или загадывать загадки[2]. В ближних деревнях я спрашивала (после получения Вашего письма); об этом запрете не знают; в более отдаленные деревни в ближайшее время я не поеду. Относительно непроизводств<енных> запретов вообще могу сказать следующее:

1) в грозу нельзя петь песни. Венчание молодых во время грозы прерывается («Свадьба в Гамаюнщине»[3], стр. 105 – примечание), т. к. боятся гнева Ильи пророка.

2) Невеста, отправляясь к венцу, не должна иметь в кармане ни зеркала, ни гребешка во избежание порчи («Свадьба в Гамаюнщине», стр. 95 – примечание).

3) Сваха, когда идет сватать, по дороге не должна ни с кем разговаривать («Свадьба в Гамаюнщине», стр. 79) – пути не будет.

4) Новорожденных детей к зеркалу не подносят, а то долго не будут говорить (Боровский уезд).

5) Если покойник лежит в доме, то в это время сор из дома не выметают, чтобы не вынести еще кого-либо из дому (Боровск. у.).

6) Во время холеры покойника не выносили через дверь, а просовывали в окно, чтобы не померли и остальные члены семьи в этой избе (Гамаюнщина).

7) Родители своих умерших детей сами не должны выносить из дому, а то всех детей переносят на кладбище (Боровск. у.).

8) Если курица сидит на яйцах, то ее нельзя показывать посторонним, а то мало выведет цыплят (Боровск. уезд).

9) Если зажгешь спичку, чтобы зажечь лучину или дрова в печке, то спичку нельзя бросать в лохань, где моют руки, или в грязное ведро, вообще в «поганое место» – нельзя непочтительно обращаться с огнем – грех (Московск. губ. Богородск. у. дер. Шувоя[4]).

10) Беременная женщина не должна ехать за сваху с невестой – а то из них кто-либо будет неблагополучен (Моск. губ., Богородск. уезд, дер. Шувоя). Про Богор. уезд записала со слов нашей старухи няни 70 л., крест<ьянки> Моск. губ.

11) Если в доме у двух женщин одновременно менструация, то стирать рубахи, запятнанные рудой, вместе в одном корыте нельзя, а то месячные перейдут к одной женщине, а у другой отымутся (Моск. губ. Богородск. у.).

12) Если кто-либо идет по делу, то возвращать его обратно или самому возвращаться за чем-либо забытым – нельзя, не будет пути и удачи в деле.

13) Если корова отелится, за ней не досмотрят <окончание письма отсутствует>.

---

[1] Письмо датируется по помете Д. К. Зеленина, сделанной в правом верхнем углу: 23 авг. 1929 г. Окончание письма в архиве отсутствует.

[2] По-видимому, Д. К. Зеленин интересовался у М. Е. Шереметевой о соответствующем запрете о сказках и загадках в Калужском регионе. Данная тема в дальнейшем будет освещена Д. К. Зелениным в его статьях: «Религиозно-магическая функция фольклорных сказок» (Сергею Федоровичу Ольденбургу: К пятидесятилетию научно-общественной деятельности. 1882–1932. Сб. статей. Л., 1934. С. 215–240); «Магическая функция слов в словесных произведениях» (XLV. Академику Н. Я. Марру. Л., 1935. С. 507–516).

[3] Имеется в виду книга М. Е. Шереметевой «Свадьба в Гамаюнщине Калужского уезда» (Калуга, 1928).

[4] Шувоя (Шувое) – село, в настоящее время административно относящееся к Егорьевскому району Московской области. Располагается в регионе, называвшемся Гуслицы – территории распространения в Подмосковье старообрядчества.

Л. 31

№ 11
Между 23 августа и 4 ноября 1929 г.

Глубокоуважаемый Дмитрий Константинович,

Посылаю Вам два фотогр<афических> снимка чтимых источников. Один колодец – в д. Сивково Калужск<ого> у. (Гамаюнщина),

расположен в деревне, около рва. На этот колодец ежегодно бывает «богомолье» (молебен) 23 июня на Владим<ирскую> Б<ожью> М<атерь>[1]. Кроме того, на этот ключ бывает богомолье в засуху. Другой колодец – в д. Горенск Кал<ужского> у. (Гамаюнщина). Здесь ежегодно бывает молебен на Петров день[2] («Святая вода наша – лекарство наше» – по словам стариков). Фотогр<афические> снимки сделаны членом Калужского Общества по изучению местного края[3] А. Г. Макаровым[4].

Из журнала «Московский краевед»[5] получила письмо с просьбой прислать заметку о краеведческой работе Калужск<ого> музея. На днях я таковую туда вышлю. Одновременно наш Музей получил оттуда же предложение присылать статьи исследовательского характера, но не более, как в ½ листа. Значит, статья «Закликание весны»[6] (2 л.) туда не пойдет. <Окончание письма отсутствует>.

---

[1] Икона Владимирской Божьей Матери – главная русская святыня. Согласно преданию, икону написал евангелист Лука. Считается, что на Русь икона была привезена из Византии греком митрополитом Михаилом около 1130 г. (искусствоведы датируют икону XII в.) как подарок киевскому князю Мстиславу Владимировичу (ок. 1076– 1132; киевский князь в 1125–1132), сыну Владимира Мономаха. Сначала икона находилась в женском Богородичном монастыре Вышгорода, удельного города Андрея Боголюбского (ок. 1111–1174), сына Юрия Долгорукого. В 1155 г. Андрей Боголюбский перенес икону во Владимиро-Суздальское княжество и поместил в своей резиденции в с. Боголюбово, а затем во Владимире-на-Клязьме в Успенском соборе, построенном в 1158–1160 гг. С тех пор икона получила именование — Владимирская. При взятии Владимира войском хана Батыя в 1238 г. икона Богоматери уцелела. В 1395 г. чтимая икона была перенесена в Москву; перед ней молились о защите от нашествия Тамерлана. На месте «сретения» (встречи) москвичами Владимирской иконы позднее был основан Сретенский монастырь. Неожиданный и необъяснимый уход Тамерлана с Руси был объяснен заступничеством Владимирской иконы Божьей Матери. В дальнейшем икона неоднократно доставлялась из Владимира в Москву в кризисных ситуациях. Окончательно в Москве она была оставлена в 1480 г. в год освобождения Руси от татар. Икона была установлена в новом кремлевском Успенском соборе. В 1926 г. ее передали в Государственный исторический музей, а в 1930 г. – в Третьяковскую галерею. С декабря 1999 г. она находится в храме-музее святителя Николая в Толмачах при Третьяковской галерее. Иконе посвящен памятник письменности «Сказание о чудесах Владимирской иконы Божией Матери», где была сформулирована идея покровительства Богоматери над всей Русской землей. В память о чудесах, связанных с Владимирской иконой, Русская православная церковь отмечает праздники в ее честь: 26 августа (8 сентября) сретение иконы в Москве и избавление от Тамерлана в 1395 г.; 23 июня (6 июля) – избавление Москвы

от ордынского хана Ахмата в 1480 г.; 21 мая (3 июня) избавление Москвы от крымского нашествия в 1521 г. См. об иконе: *Еремина Т. С.* Мир русских икон: История, предания. М., 2002. С. 9–39. Икона имеет многочисленные списки, некоторые из них объявлены чудотворными. В д. Сивково Калужского у. Владимирская Божья Матерь почиталась 23 июня (6 июля).

[2] Петров день – день апостолов Петра и Павла – отмечался 29 июня (12 июля).

[3] Калужское общество изучения местного края было учреждено 5 июня 1929 г. в рамках масштабных идеологически заточенных реформ в сфере краеведения в Советском Союзе в результате слияния Калужского общества истории и древностей и Калужского губернского общества краеведения.

[4] А. Г. Макаров – лицо неустановленное.

[5] «Московский краевед» – журнал, издававшийся в 1927–1930 гг. Обществом изучения Московской губернии. Публикации М. Е. Шереметевой в издании не выявлены.

[6] См.: *Шереметева М. Е.* Земледельческий обряд «Закликание весны» в Калужском крае // Сборник Калужского государственного музея. Калуга, 1930. Вып. 1. С. 33–60.

Л. 25

№ 12
4 ноября 1929 г.

Глубокоуважаемый Дмитрий Константинович,

Высылаю Вам рисунок самопрялки «лежак»[1] (из с. Дворцы б. Пятовской вол., Калужск<ого> у.) – рис. № 13. Одновременно высылаю счет на этот рисунок на имя Музея[2]. Надеюсь, что Вы получили мои предыдущие письма.

Уважающая Вас М. Шереметева.

P. S. Счет Анат. Анат. Мешкичева[3].

4 ноября 1929 г.

---

[1] Самопрялка – частично механизированный станок с ножным приводом, который освобождает две руки для вытягивания кудели и формирования нити. В России самопрялки появились в конце XVII в. В зависимости от расположения колеса относительно прядильно-наматывающего узла (сбоку или снизу) самопрялки были двух видов: горизонтальные («лежак») и вертикальные («стояк»).

[2] Имеется в виду Институт антропологии и этнографии в Ленинграде, куда, судя по всему, М. Е. Шереметева высылала рисунки предметов, представляющих этнографическую ценность. См. рисунок самопрялки-«лежак» в книге

Н. А. Шереметева и М. Е. Шереметевой «Самопрялочный промысел в Пятовском кустарном районе» (Калуга, 1929. С. 38, рис. 13).

[3] А. А. Мешкичев – лицо неустановленное. Автор рисунков.

Л. 33

№ 13
Не ранее 21 ноября 1929 г.

Глубокоуважаемый Дмитрий Константинович,

Спасибо Вам за Ваше письмо. В Ленинграде я рассчитываю быть с 21 ноября в четверг или с 22 в пятницу. Я могла бы 23-го в субботу прочесть в Вашей секции доклад на тему «Пятовский район – центр самопрялочного производства в СССР» с демонстр<ацией> карт, чертежей, фотоснимков.

В первый день как приеду – приду к Вам в Музей[1].

Уважающая Вас М. Шереметева.

---

[1] Имеется в виду Институт антропологии и этнографии.

Л. 26

№ 14
Около 31 августа 1931 г.[1]

Глубокоуважаемый Дмитрий Константинович,

«Бюллетень» Всеукраинской Акад<емии> Наук[2] я получила. Спасибо Вам. Посылаю Вам некоторые данные по народн<ой> ботанике.

1. Растение «трехмель» (трефоль, трилистник) в сухом виде обваривают кипятком и пьют горячим от простуды (д. Верховая[3], Калужск<ого> района).

2. Тополевые почки настаивают на водке, растирают ею руки и ноги при ломоте (д. Верховая Кал<ужского> р<айона>).

3. «Чернишник» собирают в мае, сушат и пьют, заваривая кипятком, при простуде (д. Верховая).

4. Лечение вередов: лист «дегтярника» намазывают мылом и прикладывают к вереду (д. Верховая).

5. Лечение вередов: сырую «картошку» трут и прикладывают к вереду (д. Верховая).

6. Лечение от ожога плауном: покупают в аптеке «бегуна» (т. е. плауна) в виде желтого порошка; пережаривают лук с конопляным маслом;

при помощи перышка смазывают этим маслом «круг» – т. е. обожженное место и сверху присыпают бегуном. Плаун называется по-местному «бегун», т. к. он словно бежит, тянется по земле (д. Верховая).

7. Корни лопуха: при выпадении волос, для укрепления их корней, нужно делать следующее – накопать корней таких лопухов, которые еще не пошли в стрелку; натереть их на терке; распустить несоленого свиного сала, смешать с этим салом натертые корешки, дать остыть. Этой мазью смазывать кожу головы несколько раз в неделю (знахарь гор. Калуги).

8. Корни лопуха: обварить корни лопуха, не пошедшего еще в стрелку, кипятком; дать остыть; этим настоем обливать голову после мытья для укрепления волос (знахарь г. Калуги).

9. «Зверобой» сушат, когда он цветет (сушат листья, цветы, часть стебля); заваривают кипятком, пьют при простуде (селение Вертебы[4], Калужск<ого> района).

10. Ветки «багойника» (багульника) сушат; когда заболеет корова, перестанет есть, то кипятят в воде эти сухие ветки и поят корову (дер. Шувоя[5] б<ывшей> Богородск<ой> вол. Москов<ской> губ.).

11. «Колновица», т. е. березовый сок: в березу втыкают топор, из-под лезвия течет сок в подвязанную к дереву бутылку. Этим соком заливают вместо йода «обрезы» (порезы) и «кровяные ушибы» (д. Шувоя, б<ывшей> Богородск<ой> вол. Москов<ской> губ.).

12. Ольховой и березовой корой красят холст в коричневый цвет: приготовляют щелок, кипятят в нем кору березовую, смешанную с ольховой. Котел выставляют из печи и в настой опускают холст, дают ему полежать в этой воде несколько часов. Окраска эта очень прочная, не линяет (д. Верховая Калужск<ого> р<айона>).

13. Крапива: вечером под Ивана Купала снаружи избы за наличники окон затыкают пучки крапивы, для того чтобы ведьма обожглась, если полезет в окно. Это делалось до 1914 г. Относительно последних лет – не знаю (д. Куплин, б<ывшая> Никитенская вол. Гродненской губ.)[6].

Не знаю, Дмитрий Константинович, интересно ли вам все это. Пока посылаю, что под рукой имею и еще пришлю кое-что.

Уваж<ающая> Вас М. Шереметева.

---

[1] Датируется по неавторской помете в левом верхнем углу: «31/VIII. 31».

[2] Украинская Академия наук (УАН) была создана 27 ноября 1918 г. при гетмане Скоропадском; в 1921 г. с установлением советской власти преобразована во Всеукраинскую Академию наук (ВУАН); с 1936 г. Академия наук Украинской ССР. При ВУАН существовала Этнографическая комиссия, которая

издавала в Киеве свои «Бюллетени» (1928–1930. № 1–16). Скорее всего, при посредстве Д. К. Зеленина, который сотрудничал с Этнографической комиссией (см.: *Зеленін Дм.* Словник слов'янських вірувань // Бюлетень Етнографічної комісії Всеукраїнськоі Академії наук. 1930. № 13. С. 14), М. Е. Шереметева получила один из последних номеров за 1930 г. (№ 12–16). В № 13 «Бюллетеня» опубликована информационная заметка «Музей народного побуту при Етнографічно-фолькльорній Комисії ВУАН» (С. 13–14), на которую Д. К. Зеленин мог обратить внимание своей корреспондентки.

[3] Верховая – деревня, в настоящее время административно относящаяся к Сухиничскому району Калужской области.

[4] Вертебы – поселок, в настоящее время административно относящийся к Дзержинскому району Калужской области.

[5] Шувое (Шувоя) – см. комментарий 4 к письму № 10.

[6] Куплин – село, в настоящее время административно относящееся к Пружанскому району Брестской области в Белоруссии. Известно с первой половины XVI в. Фраза М. Е. Шереметевой о крапиве, оберегающей дома от ведьм в день Ивана Купалы, и дальнейшее замечание («Это делалось до 1914 г. Относительно последних лет – не знаю») дает основание предположить, что до начала Первой мировой войны М. Е. Шереметева была биографически связана с этим селом.

Л. 27–28

№ 15
24 декабря 1931 г.

Глубокоуважаемый Дмитрий Константинович,

Спасибо Вам за письмо. Бузина, про котор<ую> я Вам писала, – это бузина красная – Sambrecusracemosa.

Живучка – Ajugareptans. Какая часть этого растения употребляется – у меня не выяснено. Постараюсь выяснить. Посылаю Вам несколько карточек с латинскими названиями[1].

Я очень хочу быть на Этнограф<ическом> съезде[2]. Но только для командировки от Калужск<ого> музея нужно, чтобы наш Музей получил официальное извещение о съезде; и поскорее, чтобы деньги заранее приготовили на поездку. На свои средства я не могу приехать. Пожалуйста, Дмитрий Константинович, устройте так, чтобы извещение было своевременно выслано по адресу: Калуга, Пушкинская, 44. Гос. Музей.

Постараюсь выслать Вам еще данные по народн<ой> ботанике.

Преданная Вам М. Шереметева.

24/XII. 31.

Д. Ив. Малинин шлет Вам привет и благодарит за память.

[1] Карточки при письме отсутствуют.

[2] Речь идет о готовившемся на 1932 г. и несколько раз откладывавшемся Первом Всероссийском археолого-этнографическом съезде, который в конце концов состоялся 7–11 мая 1932 г. в Ленинграде (см.: Итоги Всероссийского археолого-этнографического съезда // Советская этнография. 1932. № 3. С. 3–14). Главным учреждением, организовывавшим съезд, была Государственная академия истории материальной культуры. На съезде произошел окончательный разгром «буржуазной» этнографии, начавшийся еще в 1929 г. Этнографии было отказано в статусе самостоятельной научной дисциплины, декларировался отказ от классического наследия этнографии, ставилось под сомнение понятие «этнос», а вся методология этнологии оказалась подчинена марксистско-ленинской идеологии. С. С. Алымов и Д. В. Арзютов в статье «Марксистская этнография за семь дней: Совещание этнографов Москвы и Ленинграда и дискуссии в советских социальных науках в 1920–1930-е годы» (От классиков к марксизму: совещание этнографов Москвы и Ленинграда (5–11 апреля 1929 г.) / Под ред. Д. В. Арзютова, С. С. Алымова, Д. Дж. Андерсона. СПб., 2014. С. 21–83 (Сер. «Кунсткамера – Архив»; Т. 7)) приводят на с. 75–76 большую цитату из неопубликованной статьи Д. К. Зеленина «Этнографическая работа в СССР: основные линии и достижения», в которой тот подводил итоги совещаний 1929 и 1932 гг., явно отстраняясь от тезисов и решений, сформулированных на данных научных форумах: «На многолюдном совещании этнографов Ленинграда и Москвы, состоявшемся 5–11 апреля 1929 г. в Ленинграде, вопрос о теоретических задачах этнографии послужил предметом длительных и горячих дебатов; но два основных тезиса не вызвали среди членов совещания никаких разногласий. Это: 1) методом этнографии должен быть метод диалектического материализма и 2) этнография — наука историческая, часть всемирной истории.

Основным понятием и объектом этнографии ленинградское совещание признало социально-экономические формации в их конкретных вариантах. Задача советских этнографов — историческое изучение конкретных во времени и пространстве человеческих обществ и отдельных культурных явлений, например жилища, костюма и т. д. Понятия “народ” (“этнос”) и “культура” — вторичные понятия... Отрицательно отнеслось совещание и к попыткам построить этнологию как теоретическую науку в убеждении, что это противопоставит ее марксистской социологии. Лозунгом дальнейшей работы этнографов провозглашены переход от классиков к марксизму, от стихийного материализма к сознательному применению диалектического метода. На первый план выступают также чисто практические задачи этнографии, участие в социалистическом строительстве. <...> Всероссийское археолого-этнографическое совещание, состоявшееся 7–11 мая 1932 г. в Ленинграде, подчеркнуло вспомогательный характер этнографии как не занимающей своего самостоятельного места в марксистской классификации наук. <...> Для современной

советской этнографии характерны, с одной стороны, социологический и исторический, с другой — практический подходы к изучаемым явлениям.

Этнография не ограничивается изучением одних бытовых пережитков от примитивных эпох, но изучает также и полностью быт различных классов современного населения, не только деревенского, но и колхозного и частью — городского — быт рабочих. Изучая жизнь общества комплексно, советская этнография тесно увязывает свои исследования с археологией, с одной стороны, и с лингвистикой, в частности с яфетидологией, — с другой. <...> Критика старых и новых этнографических работ, разоблачение классовой буржуазной и феодальной сущности старых русских и современных западноевропейских этнографов отнимали очень много внимания и энергии у советских этнографов. В последние годы центр внимания переносится на изучение социально-экономических докапиталистических формаций в их конкретных вариантах, особенно родового строя, на этнографических материалах. Родовой быт, пережитки которого еще сохранились у многих народов Сибири и Средней Азии, — вот предмет очень многих советских научных работ, одинаково как этнографических, так и археологических, так и исторических в тесном смысле последнего слова» (СПбФ АРАН, ф. 849, оп. 1, д. 7, л. 1–12).

Л. 29

№ 16
19 июля 1933 г.

Глубокоуважаемый Дмитрий Константинович,

Спасибо Вам за Ваше письмо. Я написала т. Шахнович[1] и указала, что прошу вернуть рукопись «Масленица в Калужск<ом> крае» (с 7-ю фото)[2] через Вас. Очень прошу Вас взять рукопись и пока хранить ее у себя. Я, вероятно, приеду, но когда – еще не знаю.

Ваша М. Шереметева.

19 июля 1933 г.

---

[1] Шахнович Михаил Иосифович (1911–1992) – историк культуры, религиовед, фольклорист. Окончил Институт философии, литературы и истории (1932; Ленинград); затем – аспирантуру АН СССР (1936). Кандидатская диссертация – «Русские пословицы и поговорки как исторический источник» (1937). Один из основателей Музея истории религии АН СССР (Ленинград), зам. директора (1944–1960). Преподаватель на философском факультете Ленинградского государственного университета. В 1930-е гг. М. И. Шахнович являлся ответственным секретарем журналов «Советская этнография» и «Советский фольклор».

[2] Письмо отражает один из этапов продвижения статьи М. Е. Шереметевой о Масленице в печать. Работа была опубликована в 1936 г.: Масляница в Калужском крае // Советская этнография. 1936. № 2. С. 101–120.

Л. 32

№ 17
1933 (?)[1]

Глубокоуважаемый Дмитрий Константинович,

Спасибо Вам большое за все хлопоты обо мне. Но, видно, что-то преследует меня – мне категорически отказали, правда Назаренко[2] обещал устроить зимою (с 15.XII – по 1.I). Очень тяжело уезжать, но ничего не поделаешь. Извините, что уезжаю не простившись.

---

[1] Записка карандашом. Можно предположить, что она была написана М. Е. Шереметевой во время ее пребывания в Ленинграде – при отъезде из города. Скорее всего, записка вызвана ситуацией невозможности устроиться в гостинице. На обороте записки имеются записи Д. К. Зеленина о свободе нравов среди осетинских женщин.

[2] Назаренко – лицо неустановленное.

II. Записи М. Е. Шереметевой сказок и образцов несказочной прозы

А) Предания и былички

№ 1
Название города Юхнова

Город Юхнов по своему названию происходит от имени знаменитого атамана Юха или Юшка, который со своими молодцами имел стан в глухих сосновых юхновских лесах. У входа в лес стояла до начала 20 века старая часовня, где находилось громадное деревянное резное распятие (литовского типа). Путники, которые должны были идти или ехать через лес, молились в этой часовне, чтобы пройти благополучно и <не> подвергнуться нападению потомков Юхи, долгое время еще бродивших в юхновских лесах.

Паспортные данные М. Е. Шереметевой: «Запис<ано> в 1900 г. от жительницы г. Юхнова Соф<ьи> Мих<айловны> Филимоновой».

Комментарий. Дата «1900» в рукописи исправлена на «1904». Очевидно, что М. Е. Шереметева слышала это предание в юности в возрасте 16–20 лет; записала предание по памяти, скорее всего после того, как в 1920-е гг. в д. Верховой встретилась с местными преданиями о Кудеяре. Юхновский текст свидетельствует о том, что история и явления традиционной культуры стали ее интересовать еще в юхновский период жизни.

Предание «Название города Юхнова» – типичное топонимическое предание, в котором географические имя объясняется через имя персонажа. Скорее всего, устное предание правильно проецирует топоним на антропоним.

Юхнов вырос на берегу Угры (приток Оки) рядом с Юхновским Казанским мужским монастырем (Юхновская пустынь), известным с XV в. Поселение в 1611 г. было разрушено поляками, восстановлено в 1633 г. В 1777 г. при Екатерине II Юхнов получил статус города; с 1796 г. — уездный город Юхновского уезда Смоленской губернии. В XIX в. местные купцы занимались скупкой хлеба, льняного семени, сырых кож и сплавом леса по Угре в Оку.

Записанное М. Е. Шереметевой предание отражает интересную реалию – резное распятие, стоявшее в часовне на краю леса. Полагаем, что в этой части предание абсолютно правдиво. В таком случае мы имеем очередное свидетельство существования в русской православной культуре отдельных черт католичества (распятие «литовского типа»).

Юхновское предание реализует один из популярных образов устной культуры русского народа – образ разбойника.

№ 2
Про разбойника Кудеяра

Кудеяра схватили и бросили в тюрьму. Он там долго сидел и наконец выбрался из тюрьмы. Попросил он у тюремного сторожа водицы напиться. Тот принес ему воды в малой посудине. «Этого мне мало, – сказал Кудеяр, – принеси побольше». Сторож принес ему большой ковш с водой. Кудеяр туда нырнул и пропал. Он был не только разбойник-атаман, но и волшебник.

Паспортные данные М. Е. Шереметевой: «Запис<ано> от Ивана Григорьевича Карпунина, слепого старика 76 л., в дер. Верховой Калужского р-на, в 1928 г.».

Комментарий. Предание с образом разбойника Кудеяра, известного во множестве текстов в Центральной России и Поволжье. Кудеяр в этом сюжете наделен чертами «волшебника», т. е. «знающего».

№ 3

За Окой недалеко от Калуги есть Кудеярова Гора. Как говорят, на самом верху горы была стоянка атамана Кудеяра, огражденная земляным валом, который и сейчас виден.

В этой стоянке жил Кудеяр со своими молодцами и смотрел на Оку, которая оттуда видна на большое расстояние. Как увидят, что плывут барки с купеческими товарами, то бросаются к своим лодкам и забирают купеческие товары.

Один корабельщик оказался «знающим» стариком и решил околдовать молодцов Кудеяра. Но Кудеяр и сам был «знающим»: он повелел, чтобы купеческие барки пошли за его лодками и так увел за собой купеческое добро.

Паспортные данные М. Е. Шереметевой: «Запис<ано> в дер. Верховой Калужского р-на от слепого старика Ивана Григорьевича Карпунина. 1928 г.».

Комментарий. Предание развивает тему Кудеяра; в свернутом виде реализует мотив состязания двух «знающих». Любопытна топография текста. Стоянка разбойника Кудеяра располагается на горе (Кудеярова гора) – реальном локусе, наделенном иномирными смыслами; к тому же еще – «за Окой», т. е. за рекой, имеющей те же смыслы. Укажем, что Ока (правый самый большой приток Волги) в эпоху древнерусского Средневековья была естественным речным путем из Киевско-Черниговских земель во Владимиро-Суздальские. На Оке располагались (снизу вверх по течению) Муром, Рязань, Коломна, Алексин, Серпухов (в нижнем и среднем течении) и Калуга и Орел (в верхнем течении). В позднее Средневековье Ока играла роль естественной границы (препятствия) Московского царства при нападении крымских татар и ногайцев.

№ 4

Деревня Воровая

В 7-ми килом<етрах> от Калуги за р. Окой есть деревня Воровая. Вот что говорят крестьяне об этом названии.

В прежнее время при крепостном праве крестьяне бежали от притеснений помещиков в глухие места. Таких беглых крестьян называли «ворами». Поселялись такие крестьяне в оврагах за рекой Окой, и стала деревня в этом месте называться Воровой.

Паспортные данные М. Е. Шереметевой: «Запис<ано> от крестьянки-колхозницы дер. Воровой Афимьи Ивановны Денисовой. Название деревни сохранилось и теперь».

Комментарии. Топонимическое предание.

№ 5
Верховский клад

Когда я был молодой, позвали меня как-то с моими братьями на свадьбу в дер. Яловку (Еловку). Мы дома хорошо закусили – по пословице «На чужой каравай рот не разевай». Сели по подводам и поехали. Когда мы стали подъезжать к Верховскому болоту, я и говорю братьям: «Место здесь опасное, держите левей». Мы стали объезжать это место и вдруг слышим из воды какой-то голос нам шепчет: «Берите деньги, берите деньги». Объезжаем дальше болото – голос погромче говорит из воды: «Берите деньги, во-от они деньги» – нараспев. Мы дальше через поле скачем. А голос вдогонку нам кричит: «Вот они деньги, бярите, бярите!»

Приехали мы на свадьбу в Яловку и рассказали хозяевам про этот случай. «Хорошо, что не полезли вы в болото за деньгами, – сказали хозяева. – Там в болоте, в воде при литовском нашествии наши русские укрыли свои деньги; поместили их в бочки и спрятали в это болото. Водяной шут сторожит эти бочки и зазывает в болото. Если кто соблазнится деньгами и туда полезет, то шут их забирает к себе, разрывает и поедает. А деньги эти – большие. Золота бы хватило на всю Калужскую губернию».

Паспортные данные М. Е. Шереметевой: «Записано в 1929 г. от слепого старика-крестьянина Ивана Григорьевича Карпунина в дер. Верховой».

Комментарий. Мифологический рассказ (быличка) о кладе. В тексте четко прочитывается установка на достоверность («Когда я был молодой, позвали меня как-то с моими братьями на свадьбу в дер. Яловку»). Еловка – деревня в Гамаюнщине (ныне Перемышльский район); расположена по обеим берегам р. Вырки в 7 км от Калуги. Любопытен образ *водяного шута*, сторожащего клад.

В мифологический рассказ вплетен исторический мотив («при литовском нашествии наши русские укрыли свои деньги»). «Литовское нашествие» – по-видимому, польское нашествие в Смутное время. Калуга, как и практически все города Центральной России, признала Лжедмитрия I (Григория Отрепьева). В 1606 г. город стал резиденцией предводителя Крестьянской войны Ивана Болотникова. В течение полугода (декабрь 1606 – май 1607 г.) Калуга находилась в осаде со стороны царских войск. В январе – декабре 1610 г. в Калуге скрывались Лжедмитрий II (Тушинский вор) и Марина Мнишек; здесь же Лжедмитрий II был убит своими же сторонниками. После избрания на царский престол Михаила Романова в 1618 г. Калуга была захвачена гетманом Сагайдачным и запорожцами; в 1622 г. пережила опустошительный пожар.

№ 6
Окский вещун

У реки Оки на левом берегу пастухи стада пасли. И вдруг в полдень слышат из воды зычный голос: «Рок мой, а рочного нет! Рок мой, а рочного нет!» Два раза прокричал этот голос, это значило: «Час мой настал, а жертвы нет».

А на другом берегу, на правом, в то время две девочки и баба молодая с ребенком шли к реке купаться. Пастухи закричали им через реку на тот берег: «Не купайтесь, не купайтесь! Очень нехорошо вещевалося!» Но те не расслышали. Девочки вошли в воду, а за ними и баба молодая с ребенком. Подскользнулись, ухватились друг за друга, и все три утонули. Вот что навещал Окский вещун.

Паспортные данные М. Е. Шереметевой: «Записано в селе Ромоданово, близ Калуги, от старухи 84 лет Анны Ионовны Юрковой в 1925 г.».

Комментарий. Мифологический рассказ (быличка). Классическими являются хронотоп рассказа (река Ока, полдень, когда активизируются иномирные силы) и тема жертвоприношения водному мифологическому существу.

Б) Сказки

№ 1
Мужик и барин

Жил в деревне Сивково[1] крестьянин по прозвищу Иван Голодный. И вот приснился ему сон – какой-то голос три ночи подряд говорил ему во сне: «Копай клад в деревне Верхняя Вырка, десять шагов направо от ворот к барскому дому, под камнем». Три ночи говорил этот голос и прибавлял: «Только копать тебе нужно с твоей женой».

А жена его была дурочка. И вот стал раздумывать Иван Голодный: как бы клад ему выкопать, да так, чтобы его жена-дурочка его не выдала. И придумал. К ночи позвал он жену: «Ну, Марья, пойдем рыбки половим. (А деревня Сивково на реке Оке.) Только не к реке пойдем, а в лес, в кусты». Марья-дурочка во всем слушала мужа. Взяла сак (сеть), и они пошли. «Вот тут в кустах помести сак, половим рыбку». А Марья пошла в кусты пугать рыбу. «Шу-шу-шу, тю-тю-тю», – ударяет по кустам хворостиной. Через некоторое время подходит к мужу и спрашивает: «Ну что, попала в сак рыбка?» – «Ничего что-то нет», – отвечает муж. Три раза все спрашивала у мужа про рыбу.

Наконец, Иван сказал: «Ничего здесь не выходит, лучше пойдем к Вырскому озеру – постреляем зайцев». Иван взял ружье, и они пошли к озеру. Муж тут сказал Марье: «Я буду стоять на берегу с ружьем, а ты лезь в воду и из тростника, из воды гони зайцев ко мне на берег, а я буду стрелять». «Шу-шу, тю-тю-тю», – гоняла Марья из воды зайцев, но никакого выстрела не слышала.

Наконец, Иван сказал: «И тут ничего не выходит. Ну, последнее я скажу тебе: пойдем к барскому дому и выкопаем клад». Они пошли от ворот десять шагов и начали копать под камнем. Долго копали. Ничего пока не было. Вдруг заревел на барском дворе бык. Марья спросила: «Иван, а Иван, кто ж это ревёть?» А муж отвечает: «Это барина черт дерёть!» Ну, покопали еще, лопата стукнула о сковородку, а под сковородой чугун, а в чугуне деньги – клад. Взяли они клад им домой.

А летняя ночь короткая. Пока шли до дому, пастух уже заиграл: «Тувы, тувы, тувы!» Марья пошла корову гнать, а сама зевает, тянется. Бабы-хозяйки ее спрашивают: «Что, тебе Иван спать что ли не давал?» А она отвечает: «Какой там спать? Всю ночь колобродили – и рыбку ловили, и на зайцев охотились, а под конец выкопали у барского дома клад».

А барин узнал, что клад украли, и послал его разыскивать. Приехала в Сивково сельская полиция, спрашивает – не слышали ли что про выкраденный клад? А одна баба сказала: «Вот Марья, жена Ивана Голодного, хвастает, что они у барского дома клад нашли». Полиция стала расспрашивать Марью, где они в такую-то ночь были и что делали. Марья сказала, что сначала они рыбку в лесу в кустах ловили, потом зайцев из Вырского пруда она гоняла из тростников. А затем пошли к воротам барского дома. А клад тогда брала, когда барина черти драли. Тут становой понял, что она чепуху говорит, разорвал протокол, сел на дрожки, бросил это дело – укатил.

А Иван Голодный с женой жили себе хорошо, припеваючи, на большую руку, на барские денежки.

Паспортные данные М. Е. Шереметевой: «Запис<ано> в дер. Сивково Калужского района от крестьянина-колхозника Ивана Ивановича Прыгина, 50 лет. В 1930 г.».

Комментарии. [1]У названия деревни Сивково собирательница сделала знак сноски *, в которой пояснила: «Калужского района, 12 км от Калуги».

Образец текста, сочетающего черты мифологического рассказа и сказки о глупых женах (СУС 1381 «Жена-доказчица»); зарегистрировано 24 русских варианта, 24 украинских, 9 белорусских. В тексте обозначены местные

топографические реалии: д. Сивково, стоящая на Оке; д. Верхняя Вырка; Вырское озеро (пруд). Река Вырка (11 км) – правый приток Оки. В настоящее время Верхняя Вырка – дачное место с дорогими коттеджами.

№ 2
Гадальщик

В деревне Большие Козлы[1] жил в прежнее время один крестьянин-лодырь[2], который работать не хотел, а деньжонки любил. Ну, вот сказал он сам себе: «Притворюсь я колдуном, будто я всё знаю, всё угадываю, и буду деньги зарабатывать».

Раз шел этот человек по лесу и видит: к березе привязана чья-то лошадь. Он ее отвязал и привязал в другом месте – на поляне, под тремя дубами у Малинового ключа. Проходит по этому лесу хозяин лошади и горько плачет: «Пропала моя лошадь, украли её». Лодырь говорит: «Я могу тебе погадать, где твою лошадь найти. Пройдем гадать в твою избу, за гаданье нужно будет тебе заплатить 100 рублей». Хозяин лошади согласился. Пошептал над миской с водой, лодырь и сказал: «Твоя лощадь на поляне, под трёмя дубами, у Малинова ключа». «Колдун» получил от крестьянина 100 рублей и нашел лошадь там, где сам её привязал.

Пошла слава о замечательном угадчике. В это время у царя пропал дорогой перстень, в котором камень блестел, как звезда. Царь спрашивал у многих ворожей, гадалок, волшебников – кто украл перстень и как бы ему вернуть его себе. Никто не мог сказать ему про перстень. И вот ему сказали, что в Калужской губернии в деревне Большие Козлы живет один замечательный угадчик. Царь послал слуг за ним. Но калужский лодырь не захотел ехать к царю: боялся, что откроется его ложь. Однако слуги усадили его на таратяйку и привезли к царю. Царь посадил его в отдельную горницу и велел отгадывать, кто взял перстень. «Если за ночь не угадаешь, казню», – сказал царь.

А калужский колдун сидел в горнице и придумывал, что ему делать. «Первый петух пропоет – буду сидеть; второй пропоет – тоже; а третий пропоет – убегу, в самую спень (т. е. сон)».

А перстень украли трое царских слуг – конюх, повар и постельничий. Они по очереди ходили смотреть в замочную скважину, что делает калужский колдун. Когда подошел конюх, пропел первый петух и лодырь сказал: «Первый уже есть». Подошел к скважине повар, и пропел второй петух. «Второй уже есть», – сказал колдун. Подошел к двери постельничий, тут пропел третий петух. «Вот и третий!» – сказал калужский лодырь.

Слуги же думали, что он говорил про них трёх. Они с испугу отдали ему перстень.

Лодырь велел принести со двора самого жирного индюка и дал ему в катышке хлеба проглотить перстень. А когда царь утром позвал «колдуна» и стал ему за перстень грозить смертью: «Вот, мол, твоя голова с плеч!», то колдун велел принести индюка, разрезал ему брюхо, отдал перстень царю, и тот наградил его золотом. А калужский лодырь побежал обратно, забрав золото, в свою деревню и по дороге дал обещание: только не гадать, не угадывать, больше народ не обманывать!

Паспортные данные М. Е. Шереметевой: «Сказка “Гадальщик” записана мной от старухи Марьи Петровны Юхерной, слепой, 60 лет, которая собирает подаяния».

Комментарии. [1]У названия деревни Большие Козлы собирательница сделала знак сноски *, в которой пояснила: «12 км от Калуги»; [2]над словом «крестьянин-лодырь» сверху написано «человек».

Сказка из цикла «счастье по случаю» (СУС 1641 «Знахарь»); в СУС зарегистрировано 49 вариантов, 18 украинских, 11 белорусских. Текст интересен попыткой придать сказочному сюжету черты достоверности: исполнительница вводит в сказку реальные топонимы (деревня Большие Козлы, Малиновый ручей); героя именует «калужский лодырь». Любопытно заключение сказки, где вводится морализаторский мотив: герой зарекается далее обманывать народ.

№ 3
Олень Золотые Рога

Жил в одном селе старик крестьянин и было у него три сына. Два разумные, а третий особенным умом не отличался. Старик этому сыну менее всего выделил из своего добра. А этот сын Иван полюбил дочь мельника Анюточку. Мельник же был жадным, злым и притом колдун. Он не позволял им жениться. Тогда Иван и увел тайком Анюточку, и они поселились в одинокой избушке в лесу. Вот однажды вечерком сидели они у открытого окна; а Анюточка мёдом угощала своего любимого, как вдруг по злому мельникову колдовству она обернулась в лебедушку и через окно улетела.

Загоревал Иван – как найти ему Анюточку, его желанную роднулечку. Посоветовали ему пойти к отшельнику, который жил в лесу в дупле ст<ар>ого дуба. Подошел к дуплу Иван. Отшельник его и спрашивает: «Ты что, молодец, дело пытаешь? Али от дела лытаешь?» – «Я дела пытаю, не скажешь ли мне, знающий человек, где отыскать мне любимую Анюточку? Обернулась она лебёдушкой». – «Об этом знает Олень Золотые

Рога, разыщи его. Рано утром выдь на залив[1], обернись к востоку и скажи: “Олень, Олень золотые рога, медные копытца, выдь на речку воды напиться”. Олень и выбежит».

Иван так и сделал. Олень выбегает, рога поднимает, бежит он по травушке зеленой, по муравушке шелковой. Иван спросил у него про Анюточку. Олень сказал: «Возьми лук и стрелы, пойди за топкие болота, за черные грязи, за дальние озера. Там стреляй серых уточек, диких гусей, только не стреляй в белую лебедушку».

Пошел Иван, настрелял утиц и гусей, а как увидел белую лебедушку, не удержался, пустил стрелу, ранил ее. Она полетела к берегу, упала и превратилась в Анюточку, но она оказалась мёртвой. Заплакал Иван и пошел узнать у Оленя Золотые Рога (повторяется эпизод с вызовом Оленя). Олень велел ему взять пузырек и отправиться на дальний остров, взять там воды живящей.

Иван так и сделал, оживил Анюточку. Затем они вызвали Оленя, сели на него вдвоем, обняв за рога, и он принес их в родную избушку. Стали они там жить и поживать, добра наживать, Оленя Золотые Рога в гости к себе поджидать.

Вот вам сказка, а мне за это баранок связка.

Паспортные данные М. Е. Шереметевой: «Запис<ано> в 1925 г. от старухи няни, 60 лет, в Калуге Марии Максимовны Кусковой».

Комментарии. [1]Около слова «залив» дан знак * и сноска: «Залив – заливной луг».

Волшебная сказка, сюжет которой не имеет точного соответствия в СУС. В калужской сказке имеются сюжетные линии СУС 400_1 «Муж ищет исчезнувшую или похищенную жену».

№ 4
Присказка

Во дубовых во лесах
Сидят русалки на ветвях,
На ветвях качаются,
С дуба желуди срывают,
В девушек кидаются.

Паспортные данные М. Е. Шереметевой: «Записано в с. Ромоданове Калужского р-на от крестьянки Анны Ионовны Юрковой, 84 л.».

Литература

Бауэр А. А. Калужское Общество истории и древностей (1918 – 1929) // Вопросы истории. 1979. № 10. С. 177–179.

Вопросы этнографии Центрально-промышленной области: первое этнологическое совещание по Центрально-промышленной области при Государственном музее Ц. П. О. 29–30 марта 1926 / Ред. В. В. Богданов, С. П. Толстов. М., 1927.

Вусович Ю. А. Биография Дмитрия Ивановича Малинина // Малинин Д. И. Неизданные рукописи. Калуга, 2010. С. 12–24.

Грум-Гржимайло А. [Рецензия] // Краеведение. 1926. Т. 3, № 3. С. 400–401.

Зеленин Д. К. Женские головные уборы восточных (русских) славян // Slavia. 1926. Roč. 5. Š. 2. S. 303–338; 1927. Roč. 5. Š. 3. S. 535–556.

Зеленин Д. К. Магическая функция слов в словесных произведениях // Академику Н. Я. Марру – XLV / Ред. И. И. Мещанинов. М.; Л., 1935. С. 507–516.

Зеленин Д. К. Религиозно-магическая функция фольклорных сказок // Сергею Федоровичу Ольденбургу: К пятидесятилетию научно-общественной деятельности. 1882–1932. Сб. статей. Л., 1934. С. 215–240.

Зеленин Д. К. [Рец. на кн.: Воронов В. Крестьянское искусство. М., 1924] // Slavia. 1927. Roč. 6. Š. 2/3. S. 563–568.

Зеленин Д. К. Русское «закудыкать»: Этюд из социальной психологии языка // Slavia. 1929. Roč. 8. Š. 3. S. 493–502.

Зеленін Дм. Словник слов'янських вірувань // Бюлетень Етнографічної комісії Всеукраїнськоі Академії наук. 1930. № 13. С. 14.

Зеленин Д. К. Табу слов у народов Восточной Европы и Северной Азии. Ч. 1: Запреты на охоте и иных промыслах. Л., 1929 (Сб. Музея антропологии и этнографии. Т. 8).

Иванова Т. Г. История русской фольклористики XX века. 1900 – первая половина 1941 г. СПб., 2009.

Историко-краеведческие организации Калужского края (1891–1937). Библиографический указатель / Авт.-сост.: А. А. Бауэр. Калуга, 1982.

Итоги Всероссийского археолого-этнографического съезда // Советская этнография. 1932. № 3. С. 3–14.

Калашникова Л. В. Семья Скоробогачей в Юхнове Смоленской губернии // Природа и история Поугорья. Калуга, 2006. Вып.4. С. 212–216.

Краткий путеводитель по историческому отделу Калужского государственного музея / Сост. В. И. Извеков, М. Е. Шереметева. Калуга, 1929.

Малинин Д. И. Калуга: Опыт исторического путеводителя по Калуге и главнейшим центрам губернии. Калуга, 2004.

От классиков к марксизму: совещание этнографов Москвы и Ленинграда (5–11 апреля 1929 г.) / Под ред. Д. В. Арзютова, С. С. Алымова, Д. Дж. Андерсона. СПб., 2014 (Сер. «Кунсткамера – Архив». Т. 7).

Отчет о деятельности Государственного Русского географического общества в 1928 году / Ред. В. Л. Комаров, Г. Н. Соколовский. Л., 1929.

Очерки Калужской губернии / Калужское губернское общество краеведения. Калуга, 1925. Сб. 1.

Потапова Н. А. Дом, в котором жил и работал историк Д. И. Малинин // Материалы Свода памятников истории и культуры РСФСР: Калужская область. М., 1978. С. 67–69 (Труды НИИИ культуры. Т. 70).

Потапова Н. А. Могила историка и краеведа Д. И. Малинина // Материалы Свода памятников истории и культуры РСФСР: Калужская область. М., 1978. С. 69–70 (Труды НИИИ культуры. Т. 70).

Пуцко В. Предисловие // Шереметева М. Е. Все венки да поверх воды: Народное искусство Калужского края. Тула, 1984. С. 3.

Сафонова Г. Б. Этнографическая коллекция М. Е. Шереметевой в К<алужском> г<осударственном> о<бластном> к<раеведческом> м<узее>: история формирования и воссоздания // Песоченский историко-археологический сборник. Калуга, 2008. Вып. 6. С. 263–277.

Скоробогач Е. П. Истинные белки отрубей и растворимость их при варении в папиновом котле: Дис. ... д-ра мед. СПб., 1889 (Серия диссертаций, допущенных к защите в Военно-медицинской академии в 1888/89 учебном году. № 83).

Сравнительный указатель сюжетов: Восточнославянская сказка / Сост. Л. Г. Бараг, И. П. Березовский, К. П. Кабашников, Н. В. Новиков. Л., 1979.

Чижков А. Б., Зорин А. А. Калужские усадьбы. Каталог с картой расположения усадеб. М., 2007.

Шереметев Н. А. Земские кассы мелкого кредита (по данным анкеты 1 отд. Петрогр. отд. Ком. о сельск. ссудно-сберегательных и пром. т-вах). Пг., 1915.

Шереметев Н. А. К вопросу об объединении деятельности земских касс мелкого кредита. Пг., 1916.

Шереметев Н. А. По поводу проведения в Калужской губернии декрета о потребительских коммунах (Губсоюз или Губбюро?). Доклад, прочит. на совещании представителей кооперативных объединений Калужской губернии от 11–12 июня 1919 г., с прил. выписки из протокола этого Совещания. Калуга, 1919.

Шереметев Н. А., Шереметева М. Е. Самопрялочный промысел в Пятовском кустарном районе. Калуга, 1929.

Шереметева М. Е. В Историческом отделе Калужского музея // Коммуна. 1937. 23 окт., № 245.

Шереметева М. Е. В родовом гнезде П. А. Кропоткина // Коммуна. 1924. 15 авг., № 184.

Шереметева М. Е. Вожаки медведей в Калуге // Сборник Калужского Государственного музея. Калуга, 1930. Вып. 1. С. 61–66.

Шереметева М. Е. Все венки да поверх воды: Народное искусство Калужского края. Тула, 1984.

Шереметева М. Е. Земледельческий обряд – закликание весны в Калужском крае // Сборник Калужского государственного музея. Калуга, 1930. Вып. 1. С. 33–60.

Шереметева М. Е. Как записывать частушки // Коммуна. 1936. 8 окт., № 230.

Шереметева М. Е. Краткая информация о этнографической работе в Калуге в 1926–1927 гг. // Культура и быт населения Центрально-Промышленной области (этнологические исследования и материалы). 2-е Совещание этнологов Ц. П. О. 7–10 декабря 1927 г. М., 1929. С. 174.

Шереметева М. Е. Крестьянская одежда Калужской Гамаюнщины: Этнографический очерк. С 9-ю рисунками на отд. листах. Калуга, 1925.

Шереметева М. Е. Лесохимические промыслы в Калужском районе. Калуга, 1934.

Шереметева М. Е. Масляница в Калужском крае // Советская этнография. 1936. № 2. С. 101–120.

Шереметева М. Е. Новое в Калужском музее // Коммуна. 1937. 12 февр., № 36.

Шереметева М. Е. Производство набойки в с. Перемышль Калужского уезда // Краеведение. 1929. Т. 6. № 8. С. 481–505.

Шереметева М. Е. Работа музея с учащимися // Коммуна. 1938. 14 дек., № 284.

Шереметева М. Е. Работа по археологии и этнографии в Калуге за 1935–1936 гг. // Советская этнография. 1937. № 6. С. 136–139.

Шереметева М. Е. Работы в этнографической секции при Калужском обществе истории и древностей. 1926 г. // Этнография. 1927. № 1. С. 225.

Шереметева М. Е. Свадьба в Гамаюнщине Калужского уезда. Калуга, 1928.

Шереметева М. Е. Тарусская артель вышивальщиц // Советская этнография. 1953. № 2. С. 179–188.

Шереметева М. Е. Углежжение в Калужском районе. Калуга, 1931.

Шереметева М. Е. Хлеб и обрядовое печенье в б. Перемышльском у. Калужской губ. // Известия Государственного Русского географического о-ва. 1929. Т. 61, вып. 2. С. 215–242.

Шереметева М. Е. Этнографический отдел в Калужском областном музее // Этнография. 1926. № 1/2. С. 287–288.

Шереметева М. Е. Этнографическая работа в Калужском областном музее в 1926 г. // Этнография. 1927. № 1. С. 225–226.

Шереметева М. Е. Этнографическая секция при Калужском обществе истории и древностей за 1925 г. // Этнография. 1926. № 1/2. С. 288.

Scheremeteff M. Das rituelle Gebäck in Rußland // Der Erdball. 1929. Jahrg 3, Heft 1. S. 25–28.

Scheremeteff M. Die dressierten Bairen in Rußland // Der Erdball. 1929. Jahrg 3, Heft 7. S. 270–275.

References

Arzyutov, D. V., Alymov, S. S., Anderson, D. Dzh., eds. (2014). *Ot klassikov k marksizmu: soveshchanie etnografov Moskvy i Leningrada (5–11 aprelya 1929 g.)*. Saint-Petersburg.

Barag, L. G., Kabashnikov, K. A., Novikov, N. V., eds. (1979). *Sravnitel'nyi ukazatel' syuzhetov. Vostochnoslavyanskaya skazka*. Leningrad.

Bauer, A. A. (1979). Kaluzhskoe Obshchestvo istoriii drevnostei (1918–1929), in: *Voprosy istorii*, 10, 177–179.

Bauer, A. A., ed. (1982). *Istoriko-kraevedcheskie organizatsii Kaluzhskogo kraya (1891–1937). Bibliograficheskii ukazatel*. Kaluga.

Bogdanov, V. V., Tolstov, S. P., eds. (1929). *Kul'tura i byt naseleniya Tsentral'no-Promyshlennoi oblasti (etnologicheskie issledovaniya i materialy). 2-e Soveshchanie etnologov Tsentral'no-Promyshlennoi oblasti 7–10 dekabrya 1927 goda*. Moscow.

Chizhkov, A. B., Zorin, A. A. (2007). *Kaluzhskie usad'by. Katalog s kartoi raspolozheniya usadeb*. Moscow.

Grum-Grzhimailo, A. (1926). [Rets.], in: *Kraevedenie*, 3 (3), 400–401.

Ivanova, T. G. (2009). *Istoriya russkoi fol'kloristiki XX veka. 1900– pervaya polovina 1941 goda*. Saint-Petersburg.

Itogi Vserossiiskogo arkheologo-etnograficheskogo s"ezda (1932), in: *Sovetskaya etnografiya*, 3, 3–14.

Izvekov, V. I., Sheremeteva, M. E. (1929). *Kratkii putevoditel' po istoricheskomu otdelu Kaluzhskogo gosudarstvennogo muzeya*. Kaluga.

Kalashnikova, L. V. (2006). Sem'ya Skorobogachei v Yukhnove Smolenskoi gubernii, in: *Priroda i istoriya Pougor'ya*, 4, 212–216.

Komarov, V. L., Sokolovskii, G. N., eds. (1929). *Otchet o deyatel'nosti Gosudarstvennogo Russkogo geograficheskogo obshchestva v 1928 godu*. Leningrad.

Malinin, D. I. (2004). *Kaluga: Opyt istoricheskogo putevoditelya po Kaluge i glavneishim tsentram gubernii*. Kaluga.

Ocherki Kaluzhskoi gubernii (1925). Kaluga, 1.

Potapova, N. A. (1978). Dom, v kotorom zhil i rabotal istorik D. I. Malinin, in: *Materialy Svoda pamyatnikov istorii i kul'tury RSFSR: Kaluzhskaya oblast'* (Trudy Nauchno-issledovatel'skogo instituta kul'tury. Vol. 70). Moscow, 67–69.

Potapova, N. A. (1978). Mogila istorika i kraeveda D. I. Malinina, in: *Materialy Svoda pamyatnikov istorii i kul'tury RSFSR: Kaluzhskaya oblast'* (Trudy Nauchno-issledovatel'skogo instituta kul'tury. Vol. 70). Moscow, 69–70.

Safonova, G. B. (2008). Etnograficheskaya kollektsiya M. E. Sheremetevoi v Kaluzhskom gosudarstvennom oblastnom kraevedcheskom muzee: istoriya formirovaniya i vossozdaniya, in: *Pesochenskii istoriko-arkheologicheskii sbornik*. Kaluga, 6, 263–277.

Skorobogach, E. P. (1889). *Istinnye belki otrubei i rastvorimost' ikh pri varenii v papinovom kotle: Dissertatsiya na stepen' doktora meditsiny*. Saint-Petersburg (Seriya

dissertatsii, dopushchennykh k zashchite v Voenno-meditsinskoi akademii v 1888/89 uchebnom godu.Vol. 83).

Sheremetev, N. A. (1915). *Zemskie kassy melkogo kredita*. Petrograd.

Sheremetev, N. A. (1916). *K voprosu ob ob"edinenii deyatel'nosti zemskikh kass melkogo kredita*. Petrograd.

Sheremetev, N. A. (1919). *Po povodu provedeniya v Kaluzhskoi gubernii dekreta o potrebitel'skikh kommunakh (Gubsoyuz ili Gubbyuro?). Doklad, prochitannyi na soveshchanii predstavitelei kooperativnykh ob"edinenii Kaluzhskoi gubernii ot 11–12 iyunya 1919 goda s prilozheniem vypiski iz protokola etogo Soveshchaniya*. Kaluga.

Sheremetev, N. A., Sheremeteva, M. E. (1929). *Samopryalochnyi promysel v Pyatovskom kustarnom raione*. Kaluga.

Sheremeteva, M. E. (1924). V rodovom gnezde P. A. Kropotkina, in: *Kommuna*. Aug 15, 184.

Sheremeteva, M. E. (1925). *Krest'yanskaya odezhda Kaluzhskoi Gamayunshchiny: Etnograficheskii ocherk*. Kaluga.

Sheremeteva, M. E. (1926). Etnograficheskaya sektsiya pri Kaluzhskom obshchestve istorii i drevnostei za 1925 god, in: *Etnografiya*, 1/2, 288.

Sheremeteva, M. E. (1926). Etnograficheskii otdel v Kaluzhskom oblastnom muzee, in: *Etnografiya*, 1/2, 287–288.

Sheremeteva, M. E. (1927). Etnograficheskaya rabota v Kaluzhskom oblastnom muzee v 1926 godu, in: *Etnografiya*, 1, 225–226.

Sheremeteva, M. E. (1927). Raboty v etnograficheskoi sektsii pri Kaluzhskom obshchestve istorii i drevnostei. 1926 god, in: *Etnografiya*, 1, 225.

Sheremeteva, M. E. (1928). *Svad'ba v Gamayunshchine Kaluzhskogo uezda*. Kaluga.

Sheremeteva, M. E. (1929). Khleb i obryadovoe pechen'e v byvshem Peremyshl'skom uezde Kaluzhskoi gubernii, in: *Izvestiya Gosudarstvennogo Russkogo geograficheskogo obshchestva*, 61 (2), 215–242.

Sheremeteva, M. E. (1929). Kratkaya informatsiya o etnograficheskoi rabote v Kaluge v 1926–1927 gg., in: *Kul'tura i byt naseleniya Tsentral'no-Promyshlennoi oblasti (etnologicheskie issledovaniya i materialy). 2-e Soveshchanie etnologov Tsentral'no-Promyshlennoi oblasti. 7–10 dekabrya 1927 goda*. Moscow, 174.

Sheremeteva, M. E. (1929). Proizvodstvo naboiki v sele Peremyshl Kaluzhskogo uezda', in: *Kraevedenie*, 6 (8), 481–505.

Sheremeteva, M. E. (1930). Vozhaki medvedei v Kaluge, in: *Sbornik Kaluzhskogo Gosudarstvennogo muzeya*, Kaluga, 1, 61–66.

Sheremeteva, M. E. (1930). Zemledel'cheskii obryad – zaklikanie vesny v Kaluzhskom krae, in: *Sbornik Kaluzhskogo gosudarstvennogo muzeya*. Kaluga, 1, 33–60.

Sheremeteva, M. E. (1931). *Uglezhzhenie v Kaluzhskom raione*. Kaluga.

Sheremeteva, M. E. (1934). *Lesokhimicheskie promysly v Kaluzhskom raione*. Kaluga.

Sheremeteva, M. E. (1936). Kak zapisyvat' chastushki, in: *Kommuna*, Oct. 8, 230.

Sheremeteva, M. E. (1936). Maslyanitsa v Kaluzhskom krae, in: *Sovetskaya etnografiya*, 2, 101–120.

Sheremeteva, M. E. (1937). V Istoricheskom otdele Kaluzhskogo muzeya, in: *Kommuna*, Oct 23, 245.

Sheremeteva, M. E. (1937). Novoe v Kaluzhskom muzee, in: *Kommuna*, Feb 12, 36.

Sheremeteva, M. E. (1937). Rabota po arkheologii i etnografii v Kaluge za 1935–1936 gody, in: *Sovetskaya etnografiya*, 6, 136–139.

Sheremeteva, M. E. (1938). Rabota muzeya s uchashchimisya, in: *Kommuna*, Dec 14, 284.

Sheremeteva, M. E. (1953). Tarusskaya artel' vyshival'shchits, in: *Sovetskaya etnografiya*, 2, 179–188.

Sheremeteva, M. E. (1984). *Vse venki da poverkh vody: Narodnoe iskusstvo Kaluzhskogo kraya*. Tula.

Vusovich, Yu. A. (2010). Biografiya Dmitriya Ivanovicha Malinina, in: Malinin D. I. *Neizdannye rukopisi*. Kaluga, 12–24.

Zelenin, D. K. (1926, 1927). Zhenskie golovnye ubory vostochnykh (russkikh) slavyan, in: *Slavia*, 5 (2), 303–338; 5 (3), 535–556.

Zelenin, D. K. (1935). Magicheskaya funktsiya slov v slovesnykh proizvedeniyakh, in: I. I. Meshchaninov, ed. *Akademiku N. Ya. Marru. XLV*. Moscow; Leningrad, 507–516.

Zelenin, D. K. (1934). Religiozno-magicheskaya funktsiya fol'klornykh skazok, in: *Sergeyu Fedorovichu Ol'denburgu: K pyatidesyatiletiyu nauchno-obshchestvennoi deyatel'nosti. 1882–1932. Sbornik statei*. Leningrad, 215–240.

Zelenin, D. K. (1927). [Rets. na kn.: Voronov V. Krest'yanskoe iskusstvo. M., 1924], in: *Slavia*, 6 (2/3), 563–568.

Zelenin, D. K. (1929). Russkoe «zakudykat'»: Etyud iz sotsial'noi psikhologii yazyka, in: *Slavia*, 8 (3), 493–502.

Zelenin, D. K. (1930). Slovnik slov'yans'kikh viruvan, in: *Byulleten' Etnografichnoï komisiï Vseukraïns'koi Akademiï nauk*, 13, 14.

Zelenin, D. K. (1929). Tabu slov u narodov Vostochnoi Evropy i Severnoi Azii, in: *Sbornik Muzeya antropologii i etnografii*. Leningrad, 8, 1.